

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕЛИКОН ПЛЮС
www.heliconplus.ru

Дмитрий Толстоба

Весны осенние приметы
Стихи разных лет

«Геликон Плюс»
Санкт-Петербург · 2016

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т 52

Т 52 **Толстоба Д.**
Весны осенние приметы. Стихи разных лет. (Серия
«Петроградская сторона») — Санкт-Петербург, «Геликон
Плюс», 2016. — 240 с.

ISBN 978-5-00098-051-4

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Художник Ирина Яблочкина

ISBN 978-5-00098-051-4

© Толстоба Д. (наследники), текст, 2016.
© «Геликон Плюс», макет, 2016.

Полустанок

* * *

Плащик мокрый на кресло бросил.
Сел. Подумал. Чихнул в кулак.
— Напиши, — говорит, — про осень.
Ты умеешь ведь... что и как...

Я молчу, объяснить не смею,
Что душа-то моя в снегу.
— Я писать, — говорю, — умею,
но об осени — не смогу.

Напишу, — говорю, — о лете.
Осень нынче не в меру зла...

...Что-то руки висят как плети —
не закинуть за край стола.

* * *

Здесь уютное небо.
Солнышко жаром пышет.

— Коля, мне писем не было?
— Не было, парень, — пишут.

Ветер взлохматил поле.
Запахи. Благодать.

— Писем не было, Коля?
— Не было. —
Будем ждать.

Ветви с березы свисли,
глядят бугор плеча.

— Коля, не было писем?
Впрочем, не отвечай.

* * *

Я пишу тебе. Просто так.
Потому что скоро — зима.
Потому что каждый пустяк
начинает сводить с ума.

Всё тусклей и короче дни.
Вечера всё темней и злей.
Я пишу тебе — не вини.
Я люблю тебя — не жалею.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Соседский пес обнюхивает ноги.
Ко мне родня кидается на грудь.
Но я устал. Простите. Мне с дороги
хотя б немного нужно отдохнуть.

Целуйте крепче. Но не тормозите.
Мне восклицанья громкие странны.
Вы — у себя. А я пока не житель
ни здешних мест, ни дальней стороны.

А я пока разбросан по вагонам.
Я в листопадах Легницы и Мги.
Не снят бушлат, не спороты погоны,
не пройден путь, но прерваны шаги.

Я не хочу ни выпивки, ни хлеба.
Как мал диван. Как близко абажур.
Везде я был. Нигде я толком не был.
Сначала — спать. А там — соображу.

* * *

На Загородный выйду,
стряхну с шинели снег.
И не подам и виду,
что не был целый век.

Меня с моей поклажей
трамвай помчит, звеня.
И виду не покажет,
что он узнал меня.

* * *

Я возвратился как-то странно,
совсем не думая о том.
Пока я странствовал по странам,
зарыли речку, вырос дом.

Не ощущаю изменений
и принимаю всё, как есть.
И этот дом. И дождь осенний.
И речку, умершую здесь.

* * *

Новенькая. Легкое пальтишко,
из заплаток сделано почти что...

Как я ждал. И как я ненавидел
дни, когда совсем ее не видел.

Как я жду. И как я ненавижу
дни, в которых всё насквозь я вижу.

* * *

Переживанья сложные мои
не составляют тайны для семьи.

Подозреваю, что семья моя
в них лучше разбирается, чем я.

Семья молчит, спокойствие храня,
и не ворчит на сложного меня.

А я, как школьник, прячу свой дневник.
А в детстве был хороший ученик.

БОЛЕЗНЬ

1

Вот она, жизнь больничная!
Горек отвар в сосуде.
Тело глубоко личное
щупают молча люди.

Люди найдут в каталогах
имя моей болезни.
Возят меня в каталочках,
носят меня на кресле.

И никаких нет помыслов,
только одно — очнуться,
мышцы разжать, опомниться,
в кофточку маме ткнуться.

2

Сестричка в белом, со взором смелым
внесет каких-то кислот бокальчик.
Ты — сильный духом, но хилый телом —
лежи спокойно, ты умный мальчик.

Сестричка в белом вся, как невеста.
Глотай микстуру без возражений.
Больница — место, где неуместна
ни книга жалоб, ни — предложений.

3

Стекольный тоскливый блеск.
Чертовски хочется в лес.

Там тихо. Там бьют над глушью
лишь дятлов сухие лбы.
Там булькает царь-лягушка
у бревен седой избы.
Там плесень своих проплешин
выносит на божий свет
из ельника мудрый леший,
которого, впрочем, нет.

4

Я распахну окно больничное.
Ау, нестрашная простуда.
Мне так светлее и привычнее.
И видно многое отсюда.

Видны цветы — тычинки-пестики.
Видны подопытные кролики.
Деревья — будущие крестики.
И люди — будущие нолики.

5

Всегда найдется человек,
чтоб скоротать с тобою вечер,
чтоб разделить с тобою ночь...

А умираем в одиночку.

6

Полнеба выкрашено красным.
В постель хрустящую ложись
и повторяй: она прекрасна,
она прекрасна — эта жизнь.
Уткнись глазами в поднебесье,
в невыразимый этот цвет.
Она прекрасна, даже если
в ней никакого смысла нет.

* * *

Мороз. На улицах не скользко.
В телах деревьев стынет сок.
В подвалах дворничьих без пользы
лежит оранжевый песок.
Подобно вымытой посуде,
речной поблескивает лед.
Большие, медленные люди
спокойно ходят взад-вперед.
Не греет солнышко. Но светит.
Ребенок в теплое одет.
И жить да жить на белом свете
нам неизвестно сколько лет.

* * *

Впадаю в парк неторопливо.
Пошли по сумеркам зеленым
косые алые наплывы —
их ветры скалывают с кленов.

Что ж... Скоро ветви обнищают.
И сумрак скроет переливы.
Ничто любви не обещает.
Но я парнишка терпеливый.

* * *

Отчего-то мне было странно —
не тепло, не светло, не звонко.
Побродил. Постоял у сквера
и его обошел сторонкой.
Там, сминая траву и ветки
шли густые порывы ветра.
Мамы пели, детей качали.

Ни к чему там ничьи печали.

* * *

Большеглазый кошмарик мой,
не пойду я сейчас домой.
А пойду я сейчас туда,
где от солнца бела вода.
Ты платок собери в горсти,
ты вполголоса погрузи.
Если станет совсем невмочь,
погляди, как играет дочь,
как живой голосок ее
греет наше житье-бытье.

* * *

Когда не пишется ни строчки,
когда на сердце нелегко,
срываюсь я июньской ночи
глотать густое молоко.

И по булыжным переулкам
спешу, спешу к моей Неве.
И отдается эхо гулко
в тяжелой влажной голове.

К парной воде сбегая ближе.
Стою — минуты ли, часы...
Нева молчит себе да лижет
ботинкам сбитые носы.

Стою. Покуриваю. Вроде
не так уж виснет голова.
И не скажу: слова приходят —
уходят грустные слова.

* * *

Я вижу солнце.
Виджу тучи.
Я вижу дождь,
деревья, сучья.
Я вижу сны.
Я вижу даже,
что горизонт, как зов, протяжен,
что выстрел — сух, а выдох — влажен,
а Невский... очень эрмитажен.
Вот так живу.
Спасибо маме,
что родила меня с глазами.

* * *

Ленинград площадями двинул,
осторожно встряхнул дома,
полежал, осыпая льдины,
и подумал: «Прошла зима».

— Да, похоже, прошла. Похоже, —
выбираясь из синих глыб,
подтвердил старичок прохожий
и пошел, обходя углы.

* * *

— Замолчи!

— Я молчу!

— Я прошу же тебя — замолчи!..

Протирают глаза

три соседа, лишённые сна.

Молодая семья

раскричалась с утра, как грачи.

Все у них хорошо.

Просто время такое —

весна.

* * *

Не помню, была ли праздничной?
Скорее, обычной — будничной.
Встречались в саду за прачечной,
где бобик вздыхает будочный.
Где солнце в забор — полосками
и влажными пахнет досками...

Растут за такими будками
репейники с незабудками.

* * *

Запахло в городе грибами,
брусникой, мхами и корой.
Мужчины пиво пьют у бани.
Я становлюсь в их теплый строй.
Лесной комар над кружкой кружит.
Паук сползает по стене.
И это все зачем-то нужно,
зачем-то очень нужно мне.

СЫН

Друг пришел ко мне поздно вечером.
Сел. О чем-то меня спросил.
А потом бормотнул застенчиво:
— Понимаешь... родился сын. —
Вынул водку он, булку ситную,
колбасы появился круг.
— Сколько весит? — спросил солидно я.
— Три шестьсот, — мне ответил друг.
Я скатерку чистую выставил,
стопки выставил не спеша.
Помолчали мы с ним. И выпили
за пузатого малыша.
Плыл дымок в потолок побеленный.
Столик старый хрупко скрипел.
Друг мне тихо спел колыбельную.
Я про серого волка спел.
Мы остатки разлили поровну.
За окошком сгущалась синь,
И насвистывал ветер:
«Здорово!
Очень здорово это — сын».

КАРТИНКИ ДЕТСТВА

1

Эх, грибные на границе,
заповедные места.
Стоит только наклониться
да пошарить у куста.
Мы ходили с корешами
в этот лес издалека.
Госграницу нарушали,
чтоб добыть боровика.
Нас ловили по траншеям,
на кордон водили нас,
обещали дать по шее,
отпускали всякий раз.

Понимали, добряки,
как важны боровики.

2

Все дети — в школу,
мы — за горку
и дальше — в лес, по бузине.
И там ежей гоняли с Жоркой.
Ты помнишь, Жорка, обо мне?
Ты помнишь, Жорка, как летело
в пыли вдоль желтой колеи
стальное тело, злое тело
большой рассерженной змеи?

И не унять в коленках дрожи.
И мы скакнули за ручей.
И ожил он — наш тощий ежик,
и моментально стал ничей.
Отпрянув, кольца заметались.
Еж запыхтел, башкой затряс.
Он был за нас — как мы считали,
а он и знать не знал о нас.
Глядели мы, как, в иглы тычась,
крутились черные кресты,
как еж волок, кряхтя, добычу
под ежевичники в кусты...
Потом... была от бабки порка,
и, чуя порку, в стороне
ревел сочувствующий Жорка.
Ты помнишь, Жорка, обо мне?

3. ЖЕНЩИНА

Смотреть мешали клубы пара.
Вот — появилась, вот — пропала.
Берет мочалку, шею трет.
Стекает мыло на живот.
И снова пар. Мы лезем выше.
Мы виснем с ним почти под крышей.
Нам в щель прикрытого окна
нагая женщина видна.

Она заметила, конечно,
как шкеты ползают, калечась,
по веткам клена над окном.
Легко встает и вдруг толчком
руки раскидывает рамы.
И вся она — пред нами прямо.

И в нас, нисколько не грозя,
летят веселые глаза.

И мы с дружкой оторопело
глядим на солнечное тело
и, в блеске женской наготы,
бесславно падаем в кусты.
Вскочивши, стукаемся лбами,
бежим, бежим скорей от бани —
и совещаемся, когда
опять наладимся туда.

4

Хорошо, что есть на этом свете
Мышки, зайцы, лошади и дети.

Мишки ходят по лесу босые.
А детишки вырастут большие.

5. СТРЕКОЗА

У стрекозы глаза большие,
а крылья все из хрусталя.
Она не падает на землю,
а улетаёт за бугор.

И, улетаёя вбок всем телом
и прилетая к нам опять,
она жужжит, как вентилятор,
а мы купаемся в песке.

В КОМАНДИРОВКЕ

Итак, я здесь, пожалуй, нужен.
Работа есть, печалей — нет.
Я выдаю себе на ужин
десяток беленьких монет.
Живя под кровом номеров,
я сыт, серьезен и здоров.
И лишь спросонок иль с утра
вздохнется — что за номера?

Порой приценишься к арбузам,
да что в арбузах одному?
Глядишь, как пес, мотая пузом,
несет хозяйскую суму.
Глядишь — завидуешь ему.

* * *

Несу по коридору
в газетке помидоры.
Как чист и тих мой номер —
как будто кто-то помер.
Оплескиваю плечи
прохладною водой.
Ложусь. Еще не вечер.
Я очень молодой.

* * *

Этаж мой тих. Внизу — гулянка.
На локоть голову склоня,
одна непьющая беглянка,
спасаясь, дремлет у меня.

Белеет платице в горошек.
И грустно мне, что я хороший.

* * *

Могила ткнулась у дороги.
Заборчик ветхий. Обелиск.
Стою.
Неясные тревоги
в душе моей переплелись.
Не боль,
 не скорбь,
 не грусть,
 не жалость,
не страха медленный нажим —
я просто чувствую, как сжалась
в клочок земли большая жизнь.

А ветер кружит листьев стайку,
и куст на холмике дрожит,
корнями вросший в чью-то тайну,
вобравший чьи-то миражи.

* * *

Шлепнул к конверту марку.
Флягу наполнил спиртом.
Время пришло байдарку
в Ладогу кинуть с пирса.
Время грустить ли, петь ли,
черпать волну горстями.
Время пришло — не медли.
Скоро его не станет.
Скоро залепит шхеры
белый тяжелый студень.
Рыбу устанут шкерить
в селах рыбацких люди.
Выйдет на берег дядя,
встанет лицом к закату.

Время, под звезды глядя,
молча грести куда-то.

* * *

Штормит залив без дураков.
С календаря слетают числа.
Вода под нами — и с боков,
и над бортом волна нависла.

Держи на самый дальний мыс.
Пусть бушует непогода.
Наверно, есть какой-то смысл
в нелегких наших переходах.

ВЗМОРЬЕ

1

Чуть солонны глаза твои,
и холодны от ветра руки.
Замри, дыханье затаи.
Взгляни, как, вздрагивая в муке,
вода и суша в рукопашной
сошлись, чтоб стоя умереть.

Любить тебя мне так же страшно,
как страшно на море смотреть.

2

Я ее обнимаю,
словно в долг занимаю.
Без нее подыхаю.
С ней от слез задыхаюсь.
А она обнимает,
словно не понимает.
Так она обнимает,
словно жизнь отнимает.

3

Мы с любимой бутылки сдали —
ничего покупать не стали.
Мы курили с ней сигареты
и бросали в залив монеты,
чтобы утром вдвоем проснуться,
чтобы снова сюда вернуться,
чтобы снова, пускай не часто,
и до нас долетало счастье.

4

Мы встретимся на Кировском проспекте.
Я говорю — на Кировском проспекте.
Да, у «Ленфильма». Около пяти.
Там есть кофейня. Говорю — кофейня.
Я говорю неправильно — кофейня.
Меня всегда нетрудно там найти.

Что будем делать? Будем пить сухое.
Хотите кофе — пейте, я — сухое.
Там не дают крепленого вина.
Поговорим. Конечно. Я согласен.
Я говорю — поговорить согласен.
Я говорю — беседа нам нужна.

Звонок и треск. Щелчки отбоя в трубке.
Я говорю — щелчки отбоя в трубке.
Я повторяюсь — короткие гудки.
Я буду ждать. На Кировском проспекте.
Не помню где. На Кировском проспекте.
Оцепенев от скуки. И тоски.

5

Солнце скроется навсегда?
Говорю я ей — никогда!
Говорю я ей — ни за что.
А потом говорю я — что?
А потом говорю я — да.
Солнце скроется навсегда.

В ЖУРНАЛЕ

И опять редактор
ничего не взял,
но с присущим тактом
что-то мне сказал.

Голосок спесивый
перекрыл пути.
Велика Россия —
некуда идти.

ПСКОВ

Дорога наша через Псков лежала.
Дремали мы, пока она бежала.
Но вот, споткнувшись у высоких стен,
автобус замер. Головы качнулись.
Глаза раскрылись. Граждане очнулись.
Все вышли в ожиданьи перемен.

И обратились лицами к востоку.
И закурили, стоя у истоков
Руси, России, родины — страны.
В широком небе алый, словно ранка,
тлел куполок — осиновая дранка,
вполне почтенный символ старины.

Сияли лаком плоскости машины.
Второй шофер, выстукивая шины,
извел запас негромких емких слов
и замолчал, помаргивая слепо.
И в этот миг на плечи наши с неба
свалился мягкий стон колоколов.

Какая сила там заклокотала
в устах давно остывшего металла?
К чему взывал стотонный этот стон?
Взревел мотор — и стон пошел по кругу,
и мы в салон полезли друг за другом,
и тишиной наполнился салон.

Мотор завыл — автобус дернул телом.
Опять под ним дорога захрустела.
Дальнейший путь наш длился без помех.
Мелькали в окнах башенки, строенья.
Но все сидели в странном настроенье.
И это долго сковывало всех.

ДОРОРОЖНОЕ

Гляди...

Но увидишь не много —
речушка, лесок, жилмассив.
Все так же уныла дорога,
все так же седок молчалив.

На брови надвинута кепка.
Автобус бежит и бежит.
Какая-то нужная скрепка
в его животе дребезжит.

* * *

В карандаше набрасываю вид.
Всего-то здесь —
избушка-инвалид,
в три линии церквушка, да и та
давно лишилась искорки креста.
Лишь кладбище забилося под лесок,
как синий акварельный поясок.

* * *

И снова карандаш
в блокнот уткнул носок.
Вновь простенький пейзаж
ложится на листок.

Три елки, два куста,
церквушка в стороне.
И нет над ней креста.
Как нет креста на мне.

БОКСИТОГОРСК

Красны дома, деревья, лужи,
красны пласты гранитных плит.
Чуть горьковатый запах стужи
в осеннем воздухе разлит.

В бокситогорских красных глинах,
где мы должны читать стихи,
всё кличут, с кликом журавлиным
перекликаясь, петухи.

Всё тянет сыростью и тленом
от каждой клетки мостовой.
И клен в известке по колено
скрипит обугленной листвою.

Идем. Хозяйки стекла моют.
Поют, смеются, говорят.
Над миром, пахнущим зимою,
висит огромная заря.

Заря такая, что пред нею
невольно сдерживаю шаг.
И всё тревожней, всё жаднее
пространство слушает душа.

БЕЛЫЙ КОЛОКОЛ

Над рекой золотой дымок.
Серый лед под лучами взмок.

— Не ходи, — говорю, — по льду.
Попадешь, — говорю, — в беду.

Но не слушает он — идет.
Стуки-стук сапоги о лед.

Перебрался и за рекой
осторожно махнул рукой.

Белый колокол ночь звонил
по ребятам, что шли за ним.

* * *

Что за мода, господи прости,
смять лицо гримасой нелюдимою,
отрезветь, откланяться, уйти,
не назвав любимую любимой?..

Далеко, за тридевять земель,
есть страна несбывшейся разлуки.
Упади в прохладную постель,
широко раскидывая руки.

И замри. И душу не трави.
Что, как зверь, к тоске своей припал ты?

Вечно будет жить в твоей крови
Проклятая сдержанность прибалта.

ГОРОД ДЕТСТВА

Вот город, где уют.
С полями, где поют.
Я выйду на причал
на несколько минут.

Я столько долгих лет
ухлопал на билет,
что три-четыре дня
не выручат меня.

* * *

Ни кола, ни двора,
ни ружья, ни собаки.
Стопка водки
над спекшейся стопкою книг.
Проступают в стекле
водяные осенние знаки.
За стеклом
Водянистые пляшут огни...

Можно вход завалить
листопадом,
кушеткой и шкафом
забронировать дверь
и оконные щели заткнуть.
Можно комнату счесть
одноместным таким батискафом,
что в глубины большие
себя проливает, как ртуть.

И сидеть в полумгле
одиноким спокойным матросом.
Ощущать тишину
и стремительный времени лёт.
И глядеть, как в окне
светлокрылым стальным альбатросом
все кружит и кружит
над размытой землей самолет.

* * *

Весны осенние приметы.
Сквозит вода под каблуком.
Снежок знобящий с ветерком.
Дерев графичны силуэты.

Карманы вывернем тайком, —
табак, трамвайные билеты,
копейки, скрепки, сигареты,
подъяты вешним сквознячком,
слетят, виясь, на волны Леты.

Все, что имело скорбный смысл
и насаждало свой порядок,
внесем, смеясь, в разряд разрядок —
и прах разъятых зимних числ
стряхнем с ладоней и тетрадок.
Вздохнем свободней — воздух сладок,
и нас в нервический припадок
уж не повергнет вид могил
и цвет кладбищенских оградок.

* * *

Случаются мгновенья —
стоишь, душа чиста.
Дремучей веет ленью
от каждого куста.

Закат горит-сгорает,
барбос у ног ворчит,
и дождь, как по сараю,
по ватнику стучит.

ЛЕСНЫЕ СТИХИ

Я в лесах твоих, Россия,
никому не делал зла.
Для меня змея красиво
под осинами ползла.

Для меня шмели гудели,
колокольчики цвели
и маслениши надели
лакировочки свои.

Лишь ворона черным жалом
из берез метнулась раз
мне навстречу — и признала,
и не выключнула глаз.

* * *

Свежий пень полыхнет, как плаха.
Запеклась на щепе смола.

Не спасают леса от страха,
даже если душа светла.
Солнце в спину.
Опушка.
Тишь.

Холодея над ней стоишь.

* * *

Ах, черт!
И чем берет береза,
как бросит ветви на закат?

Тут бормочи стихи ли, прозу —
все будешь мал и виноват.
Нахлынут болью
диво детства,
тоска недавнего греха.

И чем берет?..
Ведь приглядеться —
три полутона,
два штриха.

ПОСЛЕ ПОКОСА

Разморило. Столько лени.
Густо пахнут тростники.
Спят девчонки, на колени
бросив белые платки.

Облака над речкой дремлют.
Блики в речке — словно снег.
Собирается в деревню
Борька — местный человек.

Хищным свистом, как свинчаткой,
оглушил окрестный лес,
дернул повод, стукнул пяткой
в бок лошадки... и исчез.

И летит — наметом стелет
через поле вдоль реки.
Сон. Последний день недели.
Густо пахнут тростники.

Труд окончен. Быть застолью,
но под вечер. Тишь вокруг.
Тишь. А сердце бьется с болью.
Отчего — не скажешь вдруг.

* * *

Землю накрыла тьма.
Люди ушли в дома.
Люди ушли в тепло.
Людям в тепле тепло.

Утром пойду косить
Мокрую — в рост — траву.
Займы пора гасить,
Деньги домой носить.
Знать бы — зачем живу.

* * *

Постоять над рекой Оятью,
поглазеть на прекрасный вид
и послушать, как птица-дятел
золотую сосну долбит.

Запрокинуть лицо, и вот он,
впаян в маковку, зверь-птенец.
Нереальность его работы
раздражает меня вконец.

Раздражают дожди, простуда,
ломота в уголке виска.
Кто я здесь? Почему? Откуда?

Дятел. Сосны. Оять-река.

* * *

Еще пощелкивают шишки
на острых беличьих зубах.
Овес дерут и топчут мишки
в колхозных смешанных полях.
Еще дожди не начинались —
вверху ни облачка, ни зги.
И в деревнях не начинали
еще брусничкой пироги.

Но лето гаснет. Пусть в округе
нельзя сыскать тому примет —
на взгорке клены, как в испуге,
бледнеют, глядя на рассвет.
Их обескровленные лица,
их искривленные стволы
кричат, моля остановиться,
отстать, осесть, накрыть столы...

...Отяжелев, свалю на локоть
оцепеневшую башку.
Корзинку с клюквой и осокой
толкну к дорожному мешку.
Почую мускулами всеми,
заслыша поезда гудок,
что так-то вот уходит время,
уходит время из-под ног.

* * *

Желтизной каемка рощи тронута.
Тишина. Ни шелеста, ни звука.
Глубину чернеющего омута
иногда хвостом разроет щука.

Свет небес. Глаза усталой женщины.
Не до слез ей, не до объяснений.
Это — осень. Самое нежнейшее
из больных ее прикосновений.

* * *

Бреду в сапогах не новых
по звездам листов кленовых.
Разъят воротник рубашки.
Упал холодок на грудь.
В преддверии близкой стужи
душа не поет, не тужит,
и каждый глоток затяжки
чуть-чуть убавляет путь.

Чуть-чуть добавляет звука
предвзлетная птичья мука.
Ударами крыл горячих
сшибая листву с болот,
она меж осин маячит
и плачет. Бежит и плачет.
И грусти своей не прячет.
И солнце крылами мнет.

* * *

Юрию Игнатьеву

«Курлы-курлы!» — кричат за лесом
большие птицы журавли.
«Курлы-курлы!» — дождей завеса
скрывает небо от земли.

«Ау-ау!» — с ружьем, с корзиной
бреду в болотных сапогах.
«Ау-ау!» — куски кармина
кусты вздымают на рогах.

«Ау!..» — с грибами небогато.
«Курлы-курлы!» — летим в тепло.
Лохмотья мха. Ломти заката.
Листовою ельник замело.

Ау, любимая! Едва ли
возьму ружье наперевес.
Снежком порхающим завалит
осиротевший этот лес.

«Ау-ау!» — дождемся снега.
«Курлы!..» — разносится вдаль.
Кричат и прыгают с разбега
в сырое небо журавли.

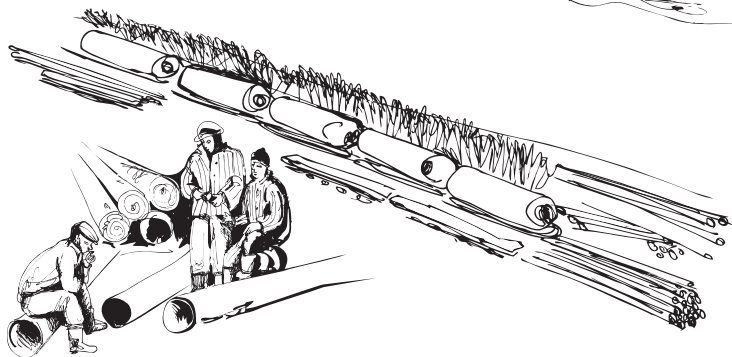
* * *

Сколько стоит облако?
Ничего не стоит.
Побежать за облаком
ничего не стоит.

Сколько стоит дерево?
Ничего не стоит.
Ничего не стоит.
Так себе стоит.

Видно, очень странно
человек устроен,
если он не может
жить как человек.

Жить на Земле

* * *

Хочешь, дворника спросим:
как работа? Ответит,
что на улицах осень,
вся работа — на ветер.

У художника спросим:
как там ваша палитра?
Он поежится — осень,
вся работа — молитва.

Бродит, как беспризорник,
за художником дворник.
Тополя облетают,
а они наблюдают.

* * *

Мама плачет над разбитой чашкой.
Перед ней сидит собака Чита.
У меня тетрадка с промокашкой,
у меня букварь еще не читан.

У меня дела идут неровно.
От меня училка не в восторге.
У меня мечта еще огромна —
ксилофон сияет в Военторге.

Вот отец появится с полочки,
мама слезы высушит платочком,
мама будет выглядеть получше —
может, купит чудо с молоточком.

Эти встречи с детством — аномальны.
Ни к чему, а главное — тепла нет.
У меня мечты уже нормальны:
я учусь летать на дельтаплане.

Ветерок пузырится по коже,
мне идет спортивная рубаша.
Мы на снимке даже не похожи —
я и чашка, мама и собака.

Никогда я не был в первом классе.
Промокашка выпила чернила.
Что-то клеил, что-то перекрасил.
Что-то просто память сочинила.

* * *

Я всё не спал.
Всё плавал в пустоте,
соображая,
кто меня обидел
вчера.
Звонок.
Я трубку снял.
Отец.
Я года два совсем его не видел.
И он спросил, как жизнь и как дела.
Сказал, что сплю и что проспуюсь к обеду.
Тогда сказал он: «Мама умерла».
Я «Хорошо, — сказал, — сейчас приеду».
Я «Хорошо, — ответил, — я сейчас».
Потом гудки коротенькие слушал.
Потом курил.
Потом стоял под душем,
пока соседи дергали, стучась,
дверь ванной,
ванной,
ванной,
ванной
ком...
Потом звонил мне тот, кому я зять.
Потом стоял в обнимку с пиджаком
и думал — надо где-то денег взять.

* * *

Колокольчики мои
над моей парадной,
что глядите на меня
с грустью безотрадной?
И о чем поете вы
в день веселый мая,
о болванку головы
звуки разбивая?

Колокольчики мои,
вам уже за сорок,
отгремели те бои,
спекся в камень порох.
Так зачем гудит стена,
прочная, как почва,
чья тревожит имена
полевая почта?

Смою трещины с лица,
оборву программу.
Вы разбудите отца,
вы убьете маму.
К маме ехать до кольца,
там она зарыта.
Там, где крутится пыльца
красного гранита.
Колокольчики мои
из рифленой стали,

всё свистали соловьи,
а потом не стали.
Как хрипели вы зимой,
льды войны ломая,
знают те, кто шел домой
в день веселый мая.

Повернусь лицом к семье —
вижу пыли клубы
и над ними в синеве
мощные раструбы.
Вновь налаживают связь
в честь добра и чести
колокольчики, клонясь
к звездочкам из жести.

* * *

Как работник скорой помощи,
на аврал попавши суточный,
я грузу на базе овощи.
Рядом трется песик будочный.

Он воротит морду в сторону,
но движение это ложное.
Мы обед поделим поровну —
две котлеты и пирожное.

Мы с ним оба рады поводу
отдохнуть от настоящего —
не гонять кольцо по проводу,
посидеть на мятых ящиках.

Мы с ним оба рады поводу
друг на друга потаракаться.
А потом кольцо по проводу
до КП, гремя, протащится.

До свиданья, песик будочный,
и всего тебе хорошего.
Я живу сегодня в будущем,
не ходи за мной из прошлого.

НАБРОСОК

Упаковать бывшее,
рассовать.
На антресоли взгромоздить корзинку.

Сегодня я пытался рисовать.
Я набросал из прошлого картинку.

Картинка стала прошлого живей.
Пустила в мир надежные отростки.

Но ты стояла, кажется, правей,
чем помню я,
чем вышло в том наброске,
сырой закат сквозил между ветвей,
по сердцу бегал карлик муравей,
и Бог постукивал в раздумье по расческе...

* * *

Когда Бог
постукивает в раздумье по расческе,
муравью,
если предположить за ним возможность
видеть и наблюдать,
должно быть обидно,
что такие
колоссальные количества энергии
расходятся впустую, —
мириады пылинок,
чешуек,
хвойных иголочек
и прочих добротных материалов,
доставленных в муравейник,
возможно, видятся уже ему,
но...
Задачи Бога
не сопрягаются с задачами муравья.

Бог в раздумье постукивает по расческе.

ИДИЛЛИЯ

А у нас, как со сцены, —
поцелуи да текст.
Дохнут мухи на стенах,
выражая протест.

Золотая гитара,
абажур голубой.
Неразлучная пара,
неземная любовь.

Ты присела у стула,
гладишь лапу коту.
Я читаю Катулла.
Не доходит Катулл.

Кот усталый и жирный,
он зевает на нас,
и уходит за ширмы
он в означенный час.

А за стенкою внятно,
в силу веских причин,
вундеркинд, вероятно,
по роялю стучит.

ЧИТАЮ СТИХИ

Крайчик листика смяла.
«Очень мило, но мало».
Сигаретку сломила.
«Маловато, но мило».

В тесной комнатке дымно.
Я молчу безупречно.
«Маловато, но дивно».
Врет, что дивно, конечно.

* * *

Как сказать, чтоб не обидеть?
Ты красива и горда.
Час могу тебя не видеть,
день могу тебя не видеть,
год могу тебя не видеть,
и совсем тебя не видеть
мне б хотелось —
никогда.

* * *

Анемичный
больничный кафель.
Химпосуда блестит во шкафе.
Спит сестричка у телефона.

Пьем и дышим, как два сифона.

Нарушаем
ночной порядок —
пьем, как в юности,
как в парадной.
Добиваем до дна
глотками.

Малый гонит из почки камень.
Я оставил самокопания,
я составил ему компанию.

Кафель снежный
в кабине смежной.

Друг на друга мы смотрим нежно.

Словно прежде —
в трамвайной давке —

не дрались за места на лавке, не втыкали в
соседей локти,
и пыхта,

и топыря когти,
и не видя в упор друг друга...

Нам обоим сегодня туго.

За бачками припрятав спички,
Мимо спящей сестрички-птички
проплываем в халатах ватных.
Спим в постелях своих бесплатных.

Скоро выйдет из обращения
и такой вариант общенья.

* * *

— Художник, в чем ты моешь кисти?
Художник в сумраке белеет.
Художник встряхивает листик.
Художник сильно веселеет.

Ему смешно, что я скучаю.
Он вынимает чайник синий.
Он говорит:
— Не хочешь чаю?
А кисти моют в керосине.

Мой керосиновый художник,
сейчас тебя я растревожу —
спрошу: когда б ты был сапожник,
ты в чем размачивал бы кожу?

Когда б ты с детства был настроен
на составление гороскопов,
каким таинственным настоем
ты тер бы линзы телескопов?..

Не отвечаешь. И не надо.
В окне рассвета парусина.
Уеду я из Ленинграда,
где слишком много керосина.

* * *

Вот куда мне надо позвонить —
в тихий дом у дальнего кладбища,
в РЖУ по поводу жилища,
мел добыть, оградку починить —
вот куда мне надо позвонить.

Вот куда мне надо позвонить —
в институт по поводу работы,
двум друзьям по поводу субботы,
взять заказ, а встречу отменить —
вот куда мне надо позвонить.

Вот куда мне надо позвонить —
отыскалась старая записка,
хорошо бы сжечь ее без риска,
все концы на том похоронить,
переждать — да надо позвонить.

Вот куда мне надо позвонить —
всяких дел немыслимо скопилось,
что-то свяло, что-то окупилось,
что-то стоит переоценить —
не хочу, да надо бы звонить.

А куда не надо бы звонить,
но куда звонки еще доходят —
там молчат и с трубки глаз не сводят.
Всё в былом — и некого винить
там, куда не надо бы звонить.

Никуда не надо бы звонить.

Исчезает в прорези монета,
и тебя с другого края света
достаёт заброшенная нить
и не может нас соединить.
Ничего в судьбе не изменить.

Мел добыть. Ограду починить.

А могла и пальцем поманить.

ПРИГОРОД

— К вам не забежала рыжая собака?

К вам не забежала белая собака?

К вам не забежала черная собака?

Отвечал хозяин крашенных ворот:

— К нам не забежала рыжая собака!

К нам не забежала белая собака!

К нам не забежала черная собака!

Ни одна собака здесь нас не найдет.

КАЧЕЛИ

На доске, обкусанной железом,
он качался — маленький — легко.
Женщина была противовесом.
Потому взлетал он высоко.

Становилась женщина грузнее.
Все грознее крякала доска.
Он все выше вспархивал над нею.
Все росла в душе его тоска.

С риском быть сочтенным за повесу,
он ушел, измучившись тоской.
И нашел он равную по весу
женщину с красивою доской.

На лужке, увитом ивняками,
проходили игры в тишине.
Там никто не стучался о камень.
Там никто не плакал в вышине.

Унялась тоска его сырая.
Нанесла любовь ему визит.
Он завис на уровне сарая.
И на этом уровне висит.

* * *

Вдруг такая мгла накатила.
Обыскал карманы. Хватило.
Огляделся вечером. Вечер.
Никого. За окнами — ветер.
Телевизор. Звезды экрана.
Помогай, вода из-под крана.

* * *

Негромко хрустнет
сучок в ногах.
Нельзя без грусти.
Нельзя никак.

Копна лепная.
Графичен куст.
Пора грибная.
Негромкий хруст.

Искать не надо —
сама придет.
Бежать не надо.
Сама пройдет.

Скользнет в пробелы
среди осин
тот воздух белый,
тот керосин.

Уснет в трясине
под шелест крыл.
А что в корзине —
травой прикроют.

Из этой грусти,
из бед-побед
родятся грузди,
а рыжик — нет.

* * *

Повисла туча над болотом.
Из тучи вывалился снег.
Журавль вздохнул перед полетом
и аппарат с автопилотом
навел на будущий ночлег.

Кусты, как кисти без перчаток,
торчали в воздухе, шурша.
Шалаш был дымом опечатан.
У шалаша молчала чья-то
оцепеневшая душа.

Душа гармонии искала —
ее владелец читал стихи.
Нога владельца затекала.
Ручей изгибами лекала
в сырые впихивался мхи.

Так шла осенняя суббота
в своих немисливых мирах,
в своих пирах, в своих заботах.
На берегу костер работал.
Он превращал полено в прах.

* * *

Перекур по ходу дела.
Что-то роща поредела.
Что-то друг с оттяжкой дышит,
прислонясь спиной к сосне.
Слово скажешь — он не слышит.
Видно, дело не к весне.

Зябнет пугало в отрепье.
Небосклон над лесом пуст.
Сток воронами облеплен,
словно ягодами куст.
Мы дрожим, как два листочка, —
наши куртки дали течь.
И раскидана по кочкам
клюквы красная картечь.

* * *

Александр Комарову

Пошли широким махом журавли.
Глядим вослед, завидуя полету,
уставив ноги в крепкий клочок земли.

Кто хоть денек таскался по болоту,
поймет, насколько сладок перекур,
где всё и вся — и кленов позолоту,

и высверк птичьих маленьких фигур,
и облаков алеющих виньетки —
вбираешь разом, а глядишь вприщур,

руками отводя сырые ветки,
о посторонних думая вещах,
что, мол, некрепок дым у сигаретки,

что Комарову как-то обещал
взять сей пейзаж в скупые терций клетки,
покуда сей пейзаж не обнищал.

* * *

Втыкаю в Ладогу весло.
Весло похрустывает слабо.
Я цел — мне крупно повезло:
меня не выкинуло за борт.

Мне повезло. Девятый вал
не разломил мою байдарку.
Я лбом валун поцеловал
и рад удару, как подарку.

Мне повезло — резина в хлам,
но как-то вынесло на берег.
Все обошлось без диких драм,
без оскорбительных истерик.

Все обошлось. Дыру залив,
замыв следы ночного краха,
я снова двигаюсь в залив,
и снова в сердце нету страха.

Как будто Бог меня пасет.
Скрипит, натягиваясь, лента.
А впрочем, каждому везет.
До настоящего момента.

* * *

Костер трещит, раскидывая искры
и раскаляя камни добела.
Трещит трико, обтягивая икры
соседки слева. Темные дела.

В бездонный космос валится планета.
Кромешный мрак становится седым.
Костер трещит. Игра слепого света.
Бесстрастный жар. Недобрый горький дым.

И все ж мурлычет песенку соседка,
к моей груди притиснувшись бочком.
И в глазках ночь, и в ручке сигаретка,
и губки пахнут чистым табачком.

Костер трещит, проламывая бревна.
Хрустит вода в прибрежном камыше.
Светло душе от песенки неровной,
в такую мглу запихнутой душе.

* * *

Опутанный дрожью
осин и трясин,
лицом к бездорожью
плутаю один.

Куда как тоскливы
меж трав неживых
бесшумные взрывы
грибов дождевых.

* * *

Все уехали.

Все.

Слышен вой одиноких собак.

Инвалид не спеша
забывает до лета барак.

Ходит, ежась, кругом,
и стучит,

и стучит молотком.

И забытый стакан
наполняет зима молоком.

* * *

Мой Бог,
Твой мир огромен и подробен.
Я ем Твой хлеб,
я мну Твои цветы.
И если я во всем Тебе подобен,
мне жаль Тебя —
как мучаешься Ты!

КЕНТАВР (фантазия)

Фол, вытащив из трупа стрелу, стал удивляться,
как такой маленький предмет
мог погубить таких огромных кентавров.

Аполлодор

* * *

Кентавр.
Расплывчато, неточно
проступят контуры спины...
Как два смородинных листочка,
его лопатки сведены.

Боюсь набросок искалечить —
так неотчетливы слова.
Когда бежит — уходит в плечи
его сухая голова.

Где позвоночная ложбина,
хрустя, разваливает круп,
полоска красная, как глина,
торс обкрутив, втекает в пуп.

В дыму зеленом, папиросном
он под немислимым углом —
тяжелым сгустком купоросным —
возник
над письменным столом...

* * *

Мы уходили от погони,
копыта взбрасывали снег.
Мы — полулюди-полукони,
мы — вызывающие смех,
мы — существа, чьи отраженья
смущают зеркало воды,
мы — обреченные с рожденья
скитаться с именем беды...
Мы уходили зимним бором
сквозь перелесья, рвы, века.
Метался с криком синий ворон
над тяжким крупом жожака.

* * *

Нас молва кентаврами окрестит.
Но — потом. Когда сойдем с тропы.
А пока кипит над перелесьем
легкий стук некованных копыт.

Спит деревня, выставив капканы.
В избах дети, женщины и хлам.
Деловито лезят тараканы,
подбирая пищу по углам.

Мы скользим, бесшумные, как совы,
как ночные темные зверьки,
осторожно щупая засовы,
вынимая петли и замки.

* * *

Все снегом замечено.
А в воздухе пахнет гарью.
Сказал мне отец: «Сынок,
сегодня большое нгари*!»

Всё ближе, всё ближе — те.
Их лыжами наст размолот.
Сказал я отцу: «Отец,
ведь я не любил — я молод».

Копытом откинув нож,
который метнули люди,
сказал мне отец: «Ну что ж,
ты, значит, любить не будешь».

Отец на слова был скуп.
Он сам до любви не дожил.
И встал я с ним круп о круп.
И руки скрестил. Как должно.

* Нгари — охота на кентавров. (прим. автора)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, не плачь, моя хорошая.
Или с первою порошею
к нам прискачут людолошади,
шерстью жесткою поросшие.

Унесут в леса дремучие —
зацелуют да замучают.

* * *

Муж-охотник
шкуру добыл.
Был не ранен он
и добрый.
Много пил
густого пива.
Долго шкуре
дергал гриву.
И улегся у порога,
завернув за шею ногу.

Муж лохматый,
толстый,
сильный.
Глаз косматый,
теплый.
Синий.

* * *

Мраморную улитку
в заводь обронит куст.
Крови гnedую нитку
лещ наберет на ус.

Черпай ручей горстями
до ломоты в костях.
Шкуру твою растянут
на смоляных кистях.

* * *

— Где была ты?

— Там, где с вами не была.

— Как жила ты?

— Так, как с вами не жила.

— Отойди, — сказали ей.

Не отошла.

Безмятежно-нежно свистнула
стрела.

Словно хрустнула пластиночка
стекла.

* * *

Он не двигаясь лежал.
Только дым над мехом.
Бил кузнец и заряжал
всю округу смехом.

Бил кузнец, как бьют коня,
если слишком прыток.
Гвозди алые вгонял
в каждое копыто.

Эхо схватывало стук,
гнало на заставы.
Были вывихнутых рук
ватные суставы.

* * *

Подмигнув табуну,
усмехнулся вожак.
«Подковали? Ну-ну.
Переходишь на шаг?»

Встал. Крестец раскачал
на тяжелом скаку.
От плеча до плеча
грудь расшиб вожаку.

* * *

«Где да что? Кого хоронят?» — «Кузнеца». —
«Что да как?» — «Да, говорят, упал с крыльца.

Перебрал вчера на сходке с мужиками.
Шел домой, да и пришелся лбом на камень.

Бабам жаль его — он был кузнец толковый.
А подтек во лбу точь-в-точь как след подковы».

* * *

Старый Хекта
украсил логово.
Чаял
цокот
копытец
слышать.
А она
принесла
двуногого.
Невозможного здесь.
И лишнего.

Стой, да круп свой хвостом
нахлестывай,
да глазей на него —
бесхвостого.

* * *

Руки выбиты. Их обложат
мхом болотным, сожмут бинтом.
Не отсохнут. Но стану — лошадь
с человеческим узким ртом.

Грудь сломаю — зачем дышала?
Больше нечего вам отнять.
До любимой давно два шага.
Но любимую не обнять.

Бревна сдвинуты. Свиты снасти.
Вы,
 навесив замки на вход,
не ищите подков на счастье
за дорогами вдоль болот.

* * *

Зима. Белы дороги.
Пещеры отсырели.
Бредет в снегах двуногий,
играет на свирели.

В осинниках маячит,
и стучает клюкой,
и кашляет, и плачет,
и машет нам рукой.

Вот, с насыпи спускаясь,
свирель к груди прижал.
Два шага, спотыкаясь,
за нами пробежал.

Снег падает на шпалы.
И топчет следопыт
следы его двупалых
игрушечных копыт.

* * *

О, наука из наук.
По стене бежит паук.
Восемь ног его мохнатых
издают негромкий стук.

Будет бегать он, пока
не поймают паука.
А поймают, он и в банке
будет жить наверняка.

Будет жить — свободы ждать
и на лапки припадать,
хоть и знает, что ему-то
век свободы не видать.

Мне видны издалека
все движенья паука.
Он заводит паутину.
Он рассчитан на века.

Я сижу, в обиду кутаясь,
авторучку теребя.
О, наука жить, не путаясь
под ногами у себя!

* * *

— Как вы думаете, кто там
скрипку нежную настроил?
Как вы думаете, сколько
есть друзей у скрипача?
Неужели вам не страшно,
что погаснет скоро скрипка,
и оплавится улыбка,
и расклеится свеча?

— Нет, не страшно нам нисколько.
Мы не знаем, долго ль длиться
будет этот интересный
и старательный мотив:
это — радиоприемник,
не живой,
и нежных звуков
никогда нельзя услышать,
даже слушая его.
А скрипач, наверно, умер.
Навсегда умолкла скрипка.
Черной ленты километры
в микрофонах шелестят.
Не грусти, присядь под кленом
на зеленую скамейку —
поглядим в глаза друг другу,
посидим, поговорим.

ФОТОГРАФ

Линзу вклеил в глаз.
Спирт разболтал в штофе.
«Фас, — говорю, — фас». —
«Профиль, — рычит, — профиль».

Вышел портрет — класс.
Ставлю «Камю», кофе.
«Ас, — говорю, — ас». —
«Профи, — бурчит, — профи...»

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

Ранним утром можно оглядеться,
душ принять и в чистое одеться,
снять с души вчерашнюю интрижку
как пылинку,
взять в ладони книжку
и раскрыть, хотя б на Петергофе,
и молчать, прихлебывая кофе,
и припомнить, считывая фразу,
что, пожалуй, не был там ни разу,
но, грызя домашнее печенье,
не придать сей новости значенья:
мало ль мест в районах Ленинграда,
где ни разу не был — и не надо.
Можно встать, затекшие коленки
растереть, пройтись, дойти до стенки.
Можно мебель в доме переставить...
Ничего иного не представить.

* * *

По городу продрогшему разгуливать.
Себя, как пса хорошего, выгуливать.
Себя — как пса домашнего, приличного,
к порядкам окружающим привычного.

Брести вразвалку, лапы перекладывать
и в те проулки даже не заглядывать,
где, шерсть сдирая, лезят под воротами
дворняги со своими поворотами.

ЛЕВ

Прутья клетки так узки —
двинет лапой — и в куски!
Прыгнет вон и сгоряча
мне обломит полплеча.

Но, как видно, он устал
от хождения по кругу.
Он лежит. Меж нами сталь.
Мы глядим в глаза друг другу.

Вижу в гриве у него
нераспутанные прядки.
Вижу — это существо
в непонятном беспорядке.
Тяжеленная башка
Всей нечесаной массой
завалилась в двух вершках
от нетронутого мяса.
Он лежит и не рычит.
Он, похоже, что — мычит.
Царь зверей, зверей гроза,
всё глядит в мои глаза.

Подошедшая девица
пояснила:
— Сдохла львица!

* * *

Я хожу себе и песенку пою,
что снесут Деревню Новую мою.
Что приедет кран железный, как кровать,
будет наши крыши с треском отрывать.
День такой большой и вроде бы пустой.
Ты постой, градостроитель, ты постой.
Вот куплю себе я фотоаппарат,
все начну снимать — от Банного — подряд,
чтоб хоть этот вот любимый уголок
глупый кран в небытие не уволок.

РЫНОК

У четвертого прилавка
я тюльпанов не купил.
И у третьего прилавка
я фиалок не купил.
А потом веселый шелест
Разум, что ли, притупил,
и у первого прилавка
я сирени накупил

Целый куст кистей лиловых
сыплет капли на рукав.
Я зарююсь с головою
в эту мокрую сирень
О тебе никак не думал —
вспоминаю впопыхах.
Память, память!
Вот с букетом,
словно чокнутый, стою.

* * *

Новосел усталый за день
всё поставил кверху дном.
Жизнь его выходит в садик
незашторенным окном.

Он угрюмо наблюдает,
как смыкается листва.
И хозяйка молодая
без пятнадцати вдова.

* * *

Свет лампы, сияющей мутно,
прихлопнуть, впустив полумрак.
Очнуться сегодняшним утром,
накинуть вчерашний пиджак.

О, как примитивна интрига!
Рукав во вчерашнем мелу.
Вчерашняя глупая книга
крылами скребет по столу.

По этим и прочим приметам
поймешь, отгоняя тоску,
откуда рука с пистолетом,
как птица, взлетает к виску.

И в мысли такой ненароком
душа обретает покой,
не ведая, что за порогом
и что там у нас под рукой.

* * *

Подкрасили город. Названия красок
не знаю, но краски его подновили.

Давай выбираться из тихой квартиры,
и жить на проспектах, и спать на граните.

Быть может — опасней, но верно — дешевле.
К тому же такой интерьер пропадает.

ПРОГУЛКА СО СНЕГИРЕМ

Еще снега катились по сугробам,
еще грибки осенние с укропом
не орошались вешним первачом,
еще февраль не плакал, а сражался
и сам своим успехам поражался,
когда я шел на встречу с ветврачом.

Сказали в трубку: «Птицам — помогаем
и хоть сейчас явиться предлагаем.
И уверяем — явитесь не зря».
И я пошел, себя же и ругая.
Я не колибри нес, не попугая,
я нес туда больного снегиря.

Снегирь качался в клеточке пустынной
и занят был простудной и бесстыдной
работой, то есть, севши на сучок,
как морячок над бездной океана,
он в бездну клетки скидывал гуано
и распевал при том, как дурачок.

Мы снегиря купили в магазине.
Его, наверно, крысы укусили:
был хром он, слеп, и грязен, и немил.
Он падал с ветки, ползая по клетке.
Его поил я маслом из пипетки
и ноги, в узел скрюченные, мыл.

И ожил он. И стал певать нам песни.
И в этих песнях было больше спеси,
чем звука — «ха... фи-фи» и «ча-ча-ча...».
Он стал летать — мы чуть ли не молились,
но у него два пальца отвалились,
и стало ясно — надобно врача.

И я пошел по улице по Школьной.
Я мог бы выбрать более окольный
и длинный путь, чтоб память не будить.
Но к сорока мы старимся невольно.
Куда ни кинь — все путано и больно,
и все трудней по городу ходить.

А что есть город? Город — это камень.
Вчера он — жизнь. Сегодня — жизнь и память.
А завтра станет памятью одной.
Вчера — дышу, сегодня — пламенею,
а завтра сам, глядишь, окаменею
и встану тумбой в тесной проходной.

Хвала и честь идущему вдоль Мойки.
Мой путь пролег вдоль кладбища, застройки,
ларя пивного, крашенного в цвет
молочной кухни, и теплоцентрали,
чьи трубы с неба золото содрали,
чьи ротора в дома вогнали свет.

В стихах обычно делается прочерк
там, где кусты топырятся без почек,
где гомонит бездомная толпа,
там, где в соседстве с тополем помятым
в сыром снегу проплеван каждый атом
до той земли соленого пупа.

Мир многолик, судьба — безвариантна.
Всё, что всучить сумела Ариадна,
прими, пойми, но думай — не о том.
Судьба сама устроится, подляжет.
Порвется нить — она ее подвяжет
и подопрет дежурным животом.

И все ж для жизни надобно упорство.
Ведь не с гусем вступил в единоборство
(хороший гусь шипит и на плите),
не в Зауральске судишься с конторой —
ты бьешься с той, с единственной, с которой...
Она отлично видит в темноте.

И тут возможность некая таится
не устранишься, но — посторониться
и во смолу, что станет янтарем
когда-нибудь, без дела не соваться —
схитрить, сфинтить, в другом прорисоваться.
Вот, например, гулять со снегирем.

Досужий критик за руку ухватит:
«Не твой размер, набаловался, хватит.
Снимай ботинок — видно, что велик».
Но нам ништо — мы пасынки с рожденья.
Размер велик — на два носка наденем,
размер чужой — нога своя болит.

Итак, я шел дорогою привычной.
Я здесь бродил с супругою. Первичной.
Которой жил, которую любил
сто лет назад, то с бешенством, то с лаской,
сто лет назад с надеждой и с коляской
я из любви куличики лепил.

Но постоим. Быть может, это вру я?
Любовь делить на первую-вторую,
когда туман и очи застит мгла?..
Какая мгла округу залепила!
Росли цветы, а выросла крапива.
Любовь была... И верю, что была.

Повременим. Добавим холодочка.
Вот школа, видишь? Ходит в школу дочка.
В жару, и в снег, и в дождик проливной
ее встречает дама. Молодая.
Я иногда за ними наблюдаю.
Они сто лет не видятся со мной.

Сто лет со мной не видятся — и точка.
Соври еще, торжественная строчка,
отъедини от глупого ларька.
Я должен жить. И выглядеть сурово.
Повременим. Припомним Комарова.
Куда как пена белая горька!

Зато сладка крепленая водица.
Кому наш опыт может пригодиться,
как нам чужой — из жизни «до войны»?
А детвора становится Россией.
Опять отцов не знающей расти ей?
Кого возьмет она в опекуны?

Но мы пришли. Пора оговориться,
что даже дверь не может отвориться
сама собою — надобно стучать,
звонить, толкать, ломая штукатурку,
иль ждать, стеснившись в скорбную фигурку,
когда идешь давать иль получать.

Нам отворил раскидистый мужчина.
И с ним явилась новая причина
рассказ украсить крупными людьми.
Но... как ни гулки наши переулки,
все у дверей кончаются прогулки,
а там уже — иное. За дверьми.

* * *

От друзей, родных и близких,
от улыбок милых дам
ухожу. Мои записки
передайте по рядам.

Мягко хлынет на дорогу
вал бушующей травы.

— Как живете?

— Понемногу.

Не склоняя головы.

* * *

Принес лещей и хвалишь клев.
Толк знаю в клеве.
Заговорил про город Львов —
я был во Львове.
Я за тобой слежу, мой друг,
как верный флюгер.
Ты собираешься на юг —
я был на юге.
Сел к телевизору в тоске,
на киноленте
едва отстроенный Ташкент —
я жил в Ташкенте.

Вещей обыденность странна,
их суть — опасна.
Сколь велика у нас страна
и сколь прекрасна —
уму не вытянуть такой
высокой ноты.
Берется девочка рукой
за самолеты.
Берутся все, кому не лень,
и эскадрилья
свои — в один прекрасный день —
теряет крылья.
И снайпер суживает круг
прямой пристрелки.
Часы отстегивает друг,
глядит на стрелки.

В большую карту карандаш
на ощупь воткнул.
Сибирь. Поселок Артыбаш.
Я пил там водку.

* * *

Нос не высунуть из барака.
У барака большая драка.
И синоним слова «собака»
долетает до нас из мрака.

Мы сидим, как монахи в келье.
На обычай такой не ропщем.
Мы приехали рыбу шкерить.
Зарабатывать деньги, в общем.

Чуть дрожат, наполняя блюда,
золотые лепешки чая.
Там, за стенкою, те, что бьются, —
заработали. Отмечают.

Завтра с ними пойдем до устья
на поленницах лесосплава.
Но сегодня к себе — не пустят.
Мы еще не имеем права.

Крепко стиснуты пальцы-клещи.
Голубые дымят окурки.
Мы серьезно глядим на вещи —
рюкзаки, сапоги да куртки.

* * *

Гляжу в окно без интереса
на бледный облака распад.

Впорхнет под вечер стюардесса,
предложит липкий лимонад.

Потом, улыбку осыпая,
в гудящей скроется трубе.
Заснул над Волгой.
Просыпаюсь.

Светло. Сибирь. Не по себе.

УРНА В АЭРОПОРТУ

Окурки, до обреза пережженные.
И астры. Молодые. Береженные.

* * *

«Вот и все, — родным местам, —
вот и все, — шепну, — развязан».
Улечу.
Очнусь не там,
где по склонностям обязан,

А в каком-нибудь балке,
там, где дует из пробоин,
там, где и на потолке
понаклеены обои,

где не ждал меня никто,
где столешницы в окурках,
там,
где ходят не в пальто —
только в ватниках и куртках,

там, где птицы не поют,
потому что любят каркать,
там —
на северном краю
разноцветной нашей карты.

...В океан воды со льдом,
умывающей планету,
врос БелАЗ — большой, как дом.
И другого дома – нету.

ЗАПОЛЯРЬЕ

На бетонном пути в Возей
перемешана с нефтью грязь.
На бетонном пути в Возей
я стараюсь стоять, не злясь.

Здесь машины всё прут и прут.
Здесь машинами пруд пруди.
Но машины не всех берут
подвернувшихся на пути.

Трубовозчики не берут —
я для них «человек в плаще».
И «Икарусы» не берут —
я для них «человек вообще».

И вахтовки, что ветер мнут,
в красных банках тепло копя,
мне не дарят своих минут —
не сажают меня в себя.

Я не свой на пути в Возей.
Начинает ломать мандраж.
Третий час на пути в Возей
я не вписываюсь в пейзаж.

Я добрался до этих трасс.
Чей-то муж я и чей-то зять.
Я на Севере пятый раз —
а меня не желают взять.

На бетонном пути в Возей
вскину каменный вещмешок.
Поминая добром друзей,
сочиняю такой стишок.

«На бетонном пути в Возей
не спеши распускать соплей.
На бездомном пути в Возей
не бывает от слез теплей.

Если можешь — иди вперед.
А не можешь идти — сиди.
Даже сердце не всех берет
подвернувшихся на пути...»

На бетонном пути в Возей
ветерок по затылку — хрясь!
На бездонном пути в Возей
алый факел стоит, как князь.

Скоро станет совсем темно.
Я улягусь в пятно огня.
Все подумают, что бревно,
и тогда подберут меня.

* * *

Утро подползет, как черепашка.
А часы уже прокуковали.
Раньше всех поднимется тельняшка,
постоит, мотая рукавами.

Пошуршит, выделявая трюки,
поиграет мятыми боками.
А потом, позевывая, брюки
побредут в чулан за сапогами.

Сапоги протопают к порогу.
Им плевать, что туфельки проснутся.
Сапоги опробуют дорогу,
сапоги на окрик огрызнутся.

Грохот стройки комнату пробудит,
встрепенется радиокурятник.
Дольше всех раскачиваться будет
мрачноватый выношенный ватник.

Как баран на новую планету,
поглядит на новую заплату,
сам в себе отыщет сигарету
и пойдет откачивать лопату.

У него замашки простоваты —
у него извилины такие,
он не понимает, что лопаты
расхватили ватники другие.

Он всю ночь дремал на батарее
и теперь тоскует о нирване.
Я его, казенного, мудрее:
я проснусь, как люди, — в котловане.

Отряхнусь, как южное растение,
от снежка, мерцающего слабо.
Как поэт на чудное виденье,
погляжу на нового прораба.

В котловане, в нежной котловине,
у котла бетоноразливного .
Ничего, что жизнь на половине, —
у нее нормальная основа.

Жизнь поводит грузными боками,
ей идет брезентовая кожа.
Вся при мне — со всеми сапогами.
Ни на что другое не похожа.

* * *

В детстве было так:
в полях жужжали пчелы,
веселила душу каждая букашка
и торчали из щелей земли и щелок
иван-чай, иван-да-марья, клевер-кашка.

В детстве было так —
я, в тряпочки замотан,
на коленях сонной бабушки зеваю.
В детстве было много пчел и мало меда.
В детстве было так, что бабушка — живая.

Я в общагу забежал переодеться
после смены — отдышаться и побриться.
Отчего же вдруг припомнилось про детство?
Ничего такого нет, а мне — за тридцать.

Ничего такого нет, как не бывало.
Нет как нет, да и, наверное, не надо.
Целый день стальные сваи забивала
в мерзлоту окостеневшую бригада.

Собираюсь в клуб бетонного завода.
Там под вечер дискотечная потеха.
В детстве было много пчел и мало меда.
Я потом уже на Север переехал.

Я сейчас надену джинсы — это мода,
в «Жигули» себя задвину — это скорость.
В детстве было много пчел и мало меда.
У меня в июне отпуск — это скоро.

* * *

Здесь траншей укладчики не роют.
Стекловатой трубы перевиты.
Рубероид, битум, рубероид.
И опять на рубероид — битум.

Тонет в бочке солнце золотое.
Пляшут дыма каменные клубы.
Мы не спорим с вечной мерзлотою —
мы над ней прокладываем трубы.

— Мухаддин, плесните из канистры!
Мухаддин, ухмылка неуместна.
Мухаддин, сегодня альпинисты
покоряют кручи Эвереста.

Эти парни — правильно: герои!
Всё пройдут, рекорды перекроют.
Рубероид, битум, рубероид.
И опять на битум — рубероид.

Черт-те что мурлыкаешь порою,
так вот перетаскивая брусья.
Рубероид, битум, рубероид...
— Мухаддин, поедем в Приэльбрусье.

Я женюсь на девушке-балкарке,
бурку, саблю где-нибудь достану,
до рассвета в бурке на байдарке
стану с ней кататься по Баксану.

Брызги вара пенятся на робе,
и звучат свежо и странновато:
Ирелях, Баксан и Батуоби,
Рубероид, битум, стекловата.

Вот и всё. Присели. Прикурили.
— Мухаддин, мы тоже в чем-то асы.
Мы с тобою Север покорили.
На четыре метра теплотрассы.

* * *

Чтоб собраться семьею,
нужен случай — не повод.
Глубоко под землю
проходил газопровод.

Мерзлоту протыкала
буровая, как шилом.
Кровь земли пробегала
по искусственным жилам.

На еловые лапы
падал реденький дождик...
Два студента ЛИАПАа,
новгородский художник,
вологодский крестьянин,
социолог из Вятки —
улеглись на поляне
грея круглые пятки.

Мы лежали-глядели.
В небе капли порхали.
Мы пахали неделю,
а теперь отдыхали,

сбросив тяжкие боты
на лопаты с пешнями...
Осторожное что-то
прорастало меж нами.

Так лежали мы тихо,
как цветы в колыбели.
Костерочек наш пыхал,
небеса — голубели.

А вода расплывалась,
а земля прогревалась,
а зола, тая,
была золотая...

ГОСТИНИЦА

Нас спросили:
— Вы не из Сибири?
Мы сказали:
— Мы из Ленинграда.
Мы сказали:
— Мы недавно были.
Нам сказали:
— Песен петь не надо.

Мы сказали:
— Будем петь потише.
Нам сказали:
— Рядом спит японец.
Мы сказали:
— Это мы запомним.
Никакой японец
не услышит.

Мы прошли,
ворсинки не колыша.
Пели песни,
те, что мы любили.
А японец
все-таки услышал.
Он спросил нас:
— Вы не из Сибири?

Ретро

КТО НЕ ПРИДЕТ СЕГОДНЯ КО МНЕ

Ни Саша с Ларисой,
ни Миша с Тamarой,
ни Юра, ни Лёня,
ни Алла, ни Таня,
ни Гена, ни Вова;
ни в четверть второго,
ни в четверть восьмого
сюда их не тянет.

Стоят в холодильнике
Сыр и сметана.
На улицу Герцена
брошены сходни.
Но нет Комарова
и нет Левитана —
никто из друзей
не заглянет сегодня.

И сам я ангиной
к дивану прикован.
Мне глотку фиксирует
штифт раскалённый.
Но нет Соколова
и нет Добрякова —
мы были знакомы
с черничных пеленок.

Кричать — не до крика,
Позвать бы — да звал уж.

Потом — торжества
у меня небольшие.
Повышли из моды,
Повыдались замуж.
А жизнь — ничего,
мы и так хороши ей.

Я думаю: вот,
не идут — и не надо.
Я думаю, что
распростимся без пыли.
Я выпью сегодня
стакан лимонада.
Давно мы за дружбу
такого не пили.

Давно не хватали
горчайшие смеси,
давно не держали
друг друга за плечи.
Я жив и здоров.
Я немного невесел,
но это — под вечер,
а вечер не вечен.

* * *

Купаться! Солнечно купаться!
Вертеть башкой с прической швабры.
В песок нагретый закопаться.
И ходят ребра, словно жабры.

Теперь не то. С усмешкой Будды
из тряпок выпростаешь тело
и, опасаясь злой простуды,
водичку щупаешь несмело.

Попросишь знаком сигаретку
у волейбольного солдата,
начнешь разглядывать соседку...
А было времечко когда-то!

Никто домой идти не хочет.
Лежишь с дружками в общей свалке,
тайком надеясь, что соскочит
петелька с пуговики у Вальки.

ДРУЗЬЯМ

Люблю тебя, краснобородый,
твой ясный лик, твой светлый лоб.
Люблю, мы разные породой,
но ты не сволочь и не сноб.

Люблю тебя, мой друг курчавый,
ты словно сколот с изразца,
но прячешь облик величавый
в изрядной живости лица.

Люблю тебя, угрюмый. Горло
бутылки, вздетой над губой,
в твоих руках сияет горном,
чуть не Армстронговой трубой.

Декабрь. За окнами не снежно.
Но я зимы не тороплю.
Пью за друзей, которых нежно
и безмятежно я люблю.

* * *

Владимиру Добрякову

Двор заляпан снежным стеарином.
В этом доме, крепком и старинном,
где лошадки жили при царе,
в этой светлой комнате просторной —
два окна, далеко от уборной,
нет клопов, тепло, как в конуре, —
сладко думать, сладкую картошку
ковыряя вилкой понемножку,
что судьба к нам все-таки добра.
Вот грибки, соленные до хруста.
Вот лучок. Вчера была капуста.

Что молчишь, как водки в рот набрал?

* * *

Мне завтрак легкий приготовь,
покрепче выдай сигарету.
Большую светлую любовь
пойду искать по белу свету.

Пуškai соседи говорят,
что дураку и клад — не шутка.
Я чту упорство дикаря,
он долго камнем в камень тюкал.

Зато с тех пор везде в ходу
огней веселая палитра.

Не может быть, что не найду.
Нашел же Комаров поллитра.

ВСТРЕЧА

Стоим и щуримся на свет.
И как-то совестно обоим.
А жили рядом восемь лет,
как два патрончика в обойме.
Писали жуткие стихи,
хотели вместе в глушь, в природу,
чтоб нас будили петухи
и по утрам ходить по воду.
Чтоб дом наш был открыт ветрам,
чтоб бражка пенилась в бутyli.

Нас будят жены по утрам,
когда испортится будильник.

* * *

Догорит сигарета
в полумгле впопыхах.
Хуже нет для поэта,
чем стихи о стихах.

Но куда от них деться,
если рядом — жена,
если кончилось детство,
если служба — скушна.

И под всю эту марку
даже друг, перебрав,
от тебя, как сигарку,
прячет душу в рукав.

* * *

Прочитал вчера в газете,
что живет на белом свете
человек, который знает
тридцать восемь языков.

Я задумался, и вот что
я, завидуя, подумал:
что такому человеку
есть, конечно, что сказать.

Я задумался, и вот что
я сочувственно подумал:
что ему, наверно, трудно
собеседников найти.

Я задумался, и вот что
я, задумавшись, надумал:
не от радости великой
я и сам пишу стихи.

УРОКИ АНГЛИЙСКОГО

Олегу Левитану

Займусь английским языком
и как-нибудь весенним утром
я с незнакомым мужичком
разговорюсь за пивларьком
на языке Шекспира мудром.

Он молвит: «Sorry, я небрит!»
А я ему, оформив фразу,
скажу: «Stop talk about it!
У вас вполне приличный вид.
Я в вас узнал собрата сразу.

На вкус ваш, пятая строка
в восьмом сонете у Шекспира
не слишком тоном высока?»
Ответит он, хлебнув пивка:
«Мой друг, звучна Шекспира лира!»

Мы эту тему углубим,
затем он скажет, как отрубит,
что принца Гамлета сгубил
вопрос «to be or not to be»,
а нас такое — не погубит.

И важно вымолвит: «Of course! —
приблудный старец с тонким слухом. —

Наивен, — скажет, — сей вопрос.
Нам довелось хлебнуть до слез
того, что Гамлет и не нюхал».

И соглашусь я, может быть,
чуть покривив душой из такта,
что всех сомнений не избыть,
но что, конечно, надо быть,
коль ты поставлен перед фактом.

Что жизнь сложна, как спортлото,
не всяк сыграть сумеет классно,
но, заложив в ломбард пальто,
нельзя со счетов сбросить то,
что и такой она прекрасна.

Пройдет высоко самолет.
Протащит кадры электричка.
И песню звонкую споет
для нас не знающая нот,
но петь умеющая птичка.

И, пожелав друг другу благ,
мы сдвинем грузные стаканы —
и хрустнет чей-то, словно в знак,
что это «быть» с приставкой «как»
в наш быт стучится постоянно.

Займусь английским. Быть так быть.
Пусть мне сопутствует удача.
Пусть всем, кто хочет говорить,
«Для тех, кто хочет говорить» —
поможет телепередача.

ТАК МЫ ЛЕТЕЛИ

Когда опять мы распрощались
и вокруг меня, шурша плащами,
по трапу двинулся народ,
мне все казалось несерьезным,
что в негустой, неплотный воздух
уйдет тяжелый самолет.

Но чу! — зашлись турбины лаем,
присел, сминая взлетку, лайнер,
готовясь к мощному прыжку.
Блестя, защелкивались пряжки.
Из-под крыла удрал заправщик,
таща с собой свою кишку.

И мы взлетали постепенно
и, как над тазом с мыльной пеной,
повисли чинно, а внизу
меж облаков поля мотались,
они туда-сюда метались
и колыхались, как в тазу.

Паря в высотах горних гордо,
сосед вертел журнал с кроссвордом,
глядел в него и молвил «Тэк-с».
Меж тем пред ним, жирком политый,
сиял обед космополита —
всесущий рубленый ромштекс.

Так мы летели. Стюардесса,
дитя культур Москва — Одесса,
за шторкой мылила поднос.
Ее от дел отставший штурман
взять попытался вялым штурмом,
не взял — и скорбь в душе унес.

Так мы летели над планетой.
От скуки легкой сигаретой
соседа радовал сосед.
И у меня с моим соседом
о чем-то клеилась беседа,
хоть было мне не до бесед.

Одoleвала душу вялость.
И даже то, что ты осталась
на дальнем краешке страны,
души не трогало — не грело.
Я думал зябко и несмело:
«Наверно, мы не влюблены».

Так мы летели. В щели дуло.
За шторкой девушка вздремнула.
Сошла служебная краса
с лица — мордашка стала кроткой.
И сине, как ее пилотка,
стояли в стеклах небеса...

* * *

Я босиком бреду по комнате,
мне предоставили ночлег.
— Сосед, нам надо познакомиться.
Ау, прекрасный человек!

Сосед лежит на койке голенький.
Плюет на все, что впереди.
Большое сердце алкоголика
стучит уверенно в груди.

ШЕЛ ЧЕЛОВЕК (считалка)

Шел человек — сад,
шел человек — сон,
шел человек — гад,
шел человек — слон.

Шел человек — лес,
шел человек — жук,
шел человек — блеск,
шел человек — жуть.

Шел человек — пух,
шел человек — воск,
шел человек — дух,
шел человек — мозг.

Шел человек — ринг,
шел человек — гонг,
шел человек — пинг ,
шел человек — понг.

Шел человек — финт,
шел человек — галс.
шел человек — финн,
шел человек — галл.

Шел человек — брыз,
шел человек — взмах,

шел человек — приз,
шел человек — прах.

Шел человек — тих,
шел человек — тать...
Был человек — псих.
Шел человек — спать.

ВОЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ МАРЦИАЛА

1

Хочешь со мною спать ты,
Хлоя, но дай ответ,
прежде чем скинуть платье,
черта ль ты гасишь свет?

Видимо, есть причина,
видно, изъян таишь.
На животе ль морщины?
Бедра ль жирны твои?

Хло, не стыдись напрасно
собственной наготы.
Ты все равно прекрасна.
Круглая дура ты.

2

Не смешно ли, голос тонкий,
а о юбках говорит.
Не идут за так девчонки —
он подарки им дарит.

Милый мой, не лезь из кожи.
Денег зря не трать в гульбе.
Или то, что встать не может,
встанет дорого тебе.

3

Наш Флавий отличился.
Он, стоя у руля,
раз восемь помочился
по ходу корабля.

И снова что есть мочи
стрючком своим затряс.
Опять мочиться хочет.
Утопит малый нас.

ПОПЫТКА АВТОПОРТРЕТА

Бывает весел, но чаще — скушен,
молчит годами, как будто помер.
Ему при встрече кивает Кушнер,
к нему Максимов заходит в номер.
Ему Горбовский ссудил полтинник,
над ним Житинский не спал ночами.
Его отметил Семен Ботвинник
и даже Дудин пожал плечами.
Шатает ветер телесистему,
песок балтийский сквозит в основе...
Ему Давыдов читал поэму,
он на бильярде продул Сосноре.
Кружит со скрипом его пропеллер,
иссохла смазка, вода вскипела,
но с Крыщуком они как-то пели
для Моисеевой — а капелла.
Судьба по-разному приплетала
к нему, с рассудком его бредовым,
и Комарова, и Левитана,
и ту же Знаменскую с Дроздовым.
Когда не надо, и нет, и не с кем,
он всякой дрянью стаканы полнит.
Он пил однажды с самим Конечким,
хоть сам Конечкий про то не помнит.
По жизни личной, сугубой, частной
Бредет в обнимку с мечтой сопливой...
Такой ранимый, такой ужасный,
такой несчастный, такой счастливый.

БОЛЬНИЧНЫЙ ДИАЛОГ

— А тридцать семь — уже температура.
Уже пошло поламывать суставы.
Тройчатка, пятерчатка и микстура
и прочие таблетки и составы...

— Что, помогают?

— Нет, не помогают...

— А люди что?

— А что ж... они не трусят,
а в чашку с чаем пряник помакают,
подержат на весу,
потом укусят.
И сладость ощущают в укушение,
и деснами работают отважно...

— Не страшно жить в таком вот окруженье?

— Вы знаете, мне кажется, не страшно.
Какой там страх, когда уже не больно.
Когда к лицу больничные обноски.

— А правда в чем?

— Ну, это вы невольно
спросили... Прав, наверное, Облонский.

— Который?

— Ну вы знаете, ну Стива.
Отстаньте, у меня температура.
Я утомлен, жена моя плаксива,
в палате мрак, а вы, наверно, дура.
Мне надоел ваш выговор столичный,
ваш интеллект из скрепочек и стяжек.
Эй, там, в углу, товарищ параличный,
займи костыль — спуститься до «костяшек».

ПОЭТ

Жил поэт с душой, коверкавшей пространства,
и при нем жила его сомнений свора.
Жил да был и дотянул до антипьянства,
преферанства и саксонского фарфора.

В час, когда ему светили окна Пряжки,
он бесстрашно обнимал подружку музу.
Он теперь перетирает блюдца-чашки,
вечерами желтый шарик гонит в лузу.

Вот он к кошке подошел, но не погладил.
Раскраснелся, словно выцедил косую.
«Я дознаюсь, — говорит, — кто мне нагадил,
кто заслал на мя в издательство писулю...»

Как-то грустно, но не больно и не жалко.
Знаю я, что океаны не мелеют.
Что души его космическая свалка
все дымит, переливается и тлеет.

А вчера его видали на Фонтанке
в ночь парада в честь рождения республик.
Он просил танкиста сонного на танке
доставить его до площади за рублик.

Жив поэт еще, темна его дорога.
Но тревога откровенно неуместна.
Час придет, и он потребует у Бога
доставить его за трешницу до места.

Вон сидит, сжимая карты, стиснув зубы,
выделяется на фоне звездной пудры
этот тип, немногочисленный, как зубры,
и судьбой оберегаемый, как зубры.

* * *

Как живу? Живу старея.
За окном не лето.
Холодна, как батарея,
горничная Света.

Отдыхаю от скитаний.
Это наслажденье —
день-деньской играть с китами
в преферанс на деньги.

А ночами Север снится,
в белых перьях берег.
А в окно стучит синица,
и Житинский — в двери.

* * *

Синие на мне брюки,
красные на мне тапки.
Тапки напоминают
красные гусиные лапки.
Звоню я по телефону,
вытянув глупо ноги,
а мне отвечает некто,
горестно одинокий.
И я говорю, чтобы ехал,
что жду его в полвторого.
Я вру ему, что сегодня
так хорошо в Комарово.
Что номер у меня шикарный
и есть цветной телевизор.
А не было бы всего этого,
то я бы его не вызвал.
И чтобы он — ни подумал,
а я ни о чем не жалею.
Привет, говорю, и жду, мол.
И тапки мои алеют
там, на ковровом ворсе,
прошитые крепкой дратвой.
И скоро он будет возле.
И все обернется правдой.

* * *

Черный зонтик. Черный свитер.
Никаких тебе поэм.
Посижу часок у Вити.
Так, пока не надоем.

Пепелок на папиросе.
Никаких тебе баллад.
Я курю. А Витя бросил.
Вите праны не велят.

Пузырьки от лимонада.
Ворох листиков сухих.
Никаких тебе... не надо.
Никаких и никаких.

За окном витает морось.
Ненаглядная вода.
Мы уйдем, наверно, порознь.
И, наверно, навсегда.

Подоконник ветер вытер.
Улетел, махнув рукой.
Черный зонтик. Черный свитер.
Сногсшибательный покой.

* * *

Нам бывало и восемь мало.
Когда взять негде, брали у кочегара.
Тень дрожащая в душную брешь сигала,
и возвращалась фигура, блестя белками.
Куда идти, вопроса не возникало.
Ставили на камень, и пел камень.
И электрички шелестели, как ящерицы, —
мимо, мимо — и ветви нас облегали.
Нам они нравились — камни, в снегах парящие,
и снега, пробитые иглами и каблуками.
Это была тишина. И шахтерки зяблые
мрачно путались в мокрых своих подолах.
Что-то курили. И солнце махало саблями,
разрубая надвое лес и поселок...
И было нам, если помнишь, всего-то под сорок.

ХУДОЖНИК

Евгению Барскому

Художнику всегда немного не везет.
Путь к истине тернист, кремнист, и крут, и мглист.
Бывает — по холсту бульдозер проползет.
Бывает — в сапогах пройдет бульдозерист.

Художнику всегда положено страдать.
Всё в творчестве его не в кайф, не в масть, не в тон.
Выходит на пленэр — пейзаж не передать.
И тянет натюрморт — бутон, битон, батон.

Никак ему концов с концами не связать.
Не вяжет он концов — он вяжет цвет и свет.
Но что там за пятно — не сможет рассказать.
Врожденный дальтонизм мешает дать ответ.

На водке, на воде, на масле, на спирту
Он месит колера, сражаясь с темнотой.
Он может провести смертельную черту,
но сам бежит глядеть, чего там за чертой.

Вот так он и живет, перемещаясь от
заоблачных высот до низменной земли.
На завтрак у него холодный бутерброд.
На ужин у него — Толстоба и Дали.

Он может накопить — и сразу же раздать.
Он может все раздать и сразу накопить.
Легко его купить, но после — не продать.
Нет. Можно бы продать, да после — не купить...

* * *

Редуты метростроя
объемны и тверды.
Всё роют, роют, роют
подземные ходы,

где нас, прижав друг к другу,
мотает время пик.
Не как в Москве — по кругу.
Из тупика в тупик.

* * *

Он и начнется
прямо с Удельной,
с этой вокзальной
кружки цепной.
Бракоразводный,
водораздельный,
нечерноземный,
лесостепной.

Он и потянет
вместе с цветами.
Он и угробит
весь выходной.
Бракоразводный,
фундаментальный,
лесоповальный,
трубосварной.

В этой нескладной,
в этой неважной
нам не хватало,
что ли, куска?
Бракоразводный,
многоэтажный,
полнометражный,
не ЖСК.

Дети делят
наше наследство,
перелицуют
наши пальто.
Это не способ,
это не средство,
это не выход,
это — не то.

Что ж ты томишься
жизнью бесценной,
что ж ты не сыщешь
места в толпе?
Бракоразводный,
антивоенный,
канцерогенный,
эмансипе.

Сколько борений
с фразой неточной.
Сколько волнений
в лицах принцесс.
Бракоразводный,
многостаночный,
очный, поточный
тихий процесс.

Тамбур холодный.
Тряска ночная.
Звезды слетают
с неба во тьму.
Бракоразводный...
Вот и Лесная.
Вот и выходим.
По одному.

* * *

Когда занимаются войны вдали
и почва становится зыбкой,
учебник истории древней земли
почитывай с грустной улыбкой.

В нем праздничны скрипы военных телег,
и в нем доказывается с жаром:
мы — мирные люди, а вещий Олег
лишь мстил неразумным хазарам.

* * *

Оттаиваю, оттаиваю.
Как в тундре весною мох.
Утаиваю, утаиваю,
что раньше таить не мог.

Ходил, сторонясь, как скромница,
хрустальным — меж теплых тел.
А что там?.. Уже не помнится...
Зубами, ходил, хрустел.

Все это по Вашей милости,
любимая, — трогай пульс!
Разбиться боялся в минусе,
но минус пошел на плюс.

Брожение в банке лейденской?
Иль градусник поднял бровь?
Иль это — прямое действие
твоих родничков, любовь?

Оттаиваю, оттаиваю.
Бежит по лицу вода.
Отслаиваю, отслаиваю,
как речка, пластины льда.

Любовь, твое дело верное.
С ресниц отряхаю снег.
Годам к сорока, наверное,
получится человек.

* * *

Молча корни перерубали,
чтоб деревья скорей упали.
Грязь хлестала из-под корней.
И, треща, поддавались корни.
Человека работа кормит.
Чем паскуднее, тем верней.

Как бы за день ни уставали,
все равно до зари вставали.
Над огнем закипал кулеш —
мутноватый змеиный супчик.
Доскребайся до дна, голубчик.
Пополам с комарами ешь.

И опять голубые тросы
заводили под грудь березы,
оплетали ее тоску.
Мы качали — она качалась.
Деревянная жизнь кончалась...
Заработали по куску.

На рассвете ушли с кусками.
Но недолго куски таскали —
разошлись по рукам куски.
Вот и память шуршит пустою
в ноги брошенной берестою.
И кануны зимы близки.

ОБРАТНЫЙ ХОД

Поезд отвалил от перрона,
заскрипел, в движенье включаясь.
Я до ресторана-вагона
добирался молча, качаясь.

Гонорар, помноженный на семь,
доводил рассудок до транса.
Небоскреб, положенный наземь,
поглощал в желудок пространство.

Был мой путь ни легким, ни трудным,
я толкал за дверцею дверцу.
И скрипел в кармане нагрудном
четвертной, притиснутый к сердцу.

Сердце, как положено, билось.
Но по хрусту чувствовал — скупю.
А в окошках что-то клубилось,
клокотало мерно и тупо.

Проносился встречный, пугая,
ослепляя вспышками блица.
Придвигалась ближе другая
жизнь, где надо определиться.

Жизнь, где надо очень стараться
Населить себя мелочами —
Мыться, бриться, стричься, стираться,
Прикупив и мыло, и чайник.

Висли стройотрядовки с полок,
на весу меняясь значками.
По низам, вдоль самого пола,
тихий сор вело сквознячками.

Заходили мозги за мозги,
привыкая к вечному зною.
И коньяк в бутылках заморских
дождался встречи со мною.

* * *

И. Муссеевой

Деньги подержал и отпустил.
Полетели в стаи собираться.
Им еще до места добираться,
им сквозь всю Россию продираться
в южный край, где как-то я гостил...
И потом, в моем полуподвале
все равно б они не зимовали,
все равно б я их не разместил.

Пусть летят до самых заграниц.
Я скажу своим, чтоб не искали.
Мы и не таких держали птиц —
мы щеглов снимали со страниц,
да и тех, подумав, отпускали

ТУРИСТЫ

Смеси легкие, в меру тонкие.
Мы серьезные, в меру грустные.
По-эстонски молчим с эстонками.
Рядом немки шумят, как русские.

Кофе нету. Бармен в прострации.
Положение непредвзятое.
Час двенадцатый, век тринадцатый,
наше дело — увы — десятое.

То ли в Таллине, то ли в Ревеле
опадает свеча, как парус.
...За окном занесенный временем
осторожно сидит «Икарус».

ОСЕННИЙ НОВОСИБИРСК

В длинном городе, где мало
битых временем углов,
на одном из ста вокзалов,
за одним из ста столов
так, представьте, одиноко,
ковыряя винегрет,
наблюдать в одно из окон
пожелтевший белый свет...

Рассекает зданье почты
дождь серебряной пилой.
Грустно в осени не то, что
небеса покрыты мглой.
Грустно то, что всю неделю
люди вялы, как хвощи,
то, что женщины надели
слишком длинные плащи.
Ходят куколки немые,
подурневшие на треть...

Все пропало. В этом мире
больше не на что смотреть!

* * *

Когда придешь, войди без стука.
Здесь только я, вино, и скука,
и запах жареного лука
от сковородки из угла.
Спокойно мне, когда ты рядом.
У нас с тобою все как надо —
спокойна речь, спокойны взгляды
и ладно скроены тела.

* * *

Не лови меня на слове.
На изгибе теплой крови
неотчетливы слова.
Даже лучшие — любые.
Даже те, что мы любили
чуть шептать,
едва-едва.

* * *

Твоих цветов прохлада полевая.
Моей любви голодные уловки.
Цветок — он сам себя не поливает,
он стоя ждет с коробочкой в головке.

Когда сентябрь коробочку расколет,
слетятся птички склевывать конфетки.
Что делать нам, товарищи мой по школе?
Мы те же птички. В падающей клетке.

* * *

Часы украл водопроводчик,
когда чинил водопровод.
А мне подумалось о вот чем:
мне не украсть водопровод.

Я ничего не понимаю
в гуденье фановой трубы.
Я молча трешку вынимаю,
чтоб оплатить его труды.

Он трешку к сердцу прижимает,
как математик — интеграл.
Он тоже мало понимает
в часах, которые украл.

В них по тому еще колечку
бежит неспешная вода.
Потом почувствует протечку.
Потом покрутится, балда.

АНКЕТА

Брату

Похоже, я останусь не у дел
из-за тебя,
который год сидел,
из-за отца,
которого не знал,
из-за сырца,
которого не гнал.

Порою так бывает у мужчин.
Накатит грусть
без видимых причин.
Грусть по отцу,
которого не знал,
грусть по сырцу,
которого не гнал,
грусть по себе,
отставленном от дел,
и по тебе,
который год сидел.

СУДЬБА

Николаю Крыщуку

Вышел из дому утром — ба!
Птиц не слышно в моем саду.
На пороге стоит судьба.
«Ты куда?» — «По грибы иду!»

Что ей надо, моей судьбе?
Я спокоен, как Бог, с утра.
«Ты за чем?» — говорю. «К тебе.
За тобой, — говорит. — Пора!»

Прикрываю плотней жилье,
но гляжу на нее без зла.
Я иду подбирать свое,
и она за своим пришла.

И не ночью пришла, а днем.
Это надо бы счесть за честь.
Говорю ей: «Пойдем вдвоем.
Лишний ножик в корзине есть.

Ты безбожна, а я крещен.
В каждой жилке горит руда.
Мы посмотрим с тобой еще,
кто кого заведет куда.

Бабка в финской лежит земле.
Мать на кладбище Южном спит.
Потому что в моей семье
почитали и жены спирт.

Не с того загигать конца —
это нашей семьи дела.
Я не знал своего отца.
Ты давно у него была?

Брат на жесткой сидел скамье —
подвела под указ струя.
Только все же в моей семье
главный выродок — это я.

Я не гад, не завмаг, не тать.
Сам себе я сыскал узду.
И не надо меня хватать,
если я по грибы иду.

Может, я и не пьян с утра
по причине простой такой,
что погибла одна сестра
и повесился брат другой.

Ты пойдй, позвони в ОТиЗ
вашим Паркам-бухгалтерам,
и найдется еще артист
в Вологодском театре драм...»

Говорил таковы слова,
отираячи пот со лба.
И ворочалась, как сова,
на плече у меня судьба.

Видно, вспомнила времена —
те, когда молодой была.
И колючие семена
выдирала из-под крыла.

СКРИП

Само собой.
Само собой.
И стекла с белыми крестами.
И ночь с горящими звездами.
И мерный воздуха прибой.

Само собой.
И ветра свист.
И крик придушенный вороны.
И скрип внезапно отворенной
двери. И прыгающий лист.

Само собой.
В пустом доме,
приткнувшись в позе неудобной
к столу, к машинке допотопной,
со взглядом, воткнутым во тьму.

Не оглянись.
Терпи. Не верь.
Там — никого. Ты был. Ты выжил.
Прочна механика задвижек.
Всю жизнь ты делал эту дверь.

Сам собирал.
Сам тес копил.
Сам разнимал на рейки ветви,
долбил пазы и вешал петли
и цепь надежно закрепил.

Отворена.
Скрипит. Томит.
Как та, дощатая, в бараке.
И тот летун скользит во мраке,
к крылам приклеив динамит.

А там —
за тридевять земель, —
в пространстве, может быть, эн-мерном
долбят шурфы эн-мерным керном
и звук, клубясь, стекает в щель —

туда,
где, сжатый тишиной,
рассудок тщетно напрягая,
на муки сердце обрекая,
ты слышишь долгий скрип дверной.

УСТАЛОСТЬ

Вся компания моя —
это я.
Хорошо, что в эти дни
мы одни.

* * *

Один боится краж.
Другой — пожара.
А третий — чтоб жена не убежала.
Четвертый правды вам в глаза не скажет.
А пятый спать без стопочки не ляжет.

Я свет включаю ночью,
освещая
бумаги плотной
белые листы.

Я все боюсь,
как в детстве,
темноты.

ПЕРЧАТКИ

(шутка)

Валяться на теплой полке
перчатки не заслужили.
Ютятся в пыли перчатки —
в углу на простой доске.
А утром еще, как пчелки,
на воле они кружили.
Знакомую электричку
погладили по щеке.

И щелкали по газетам,
и трогали пса смурного,
и бегали по перилам,
и прыгали на бегу.
Печальной была прогулка.
Ведь ключ от замка дверного
они утопить сумели
в холодном, как лед, снегу.

Хозяин рукою голой
обыскивал снег тяжелый,
потом усмехнулся криво
и прочь зашагал скорей.
Перчатки сперва лежали,
а после за ним бежали —
две хмурые пятиножки —
до самых родных дверей.

От этого приключенья
перчатки в большом в смущенье.
Горюют всю ночь, что больше
гулять он их не возьмет...
А скоро — весна и лето.
И, чтоб попросить прощенья,
им, бедным, теперь придется
ждать целый почти что год.

В ФОТОАТЕЛЬЕ

Установив свою треногу,
он поселил в душе тревогу
и дал не двигаться приказ.
И не моргать.
Заныло тело.
Такой свободы захотело,
что зачесались нос и глаз.

Он черным желтую коробку
накрыл и стал давить на кнопку
мизинцем красным, как пятак.
И сжался миг,
и воздух треснул.
И он сказал: «Покиньте кресло»,
сказал: «Исправлю, что не так».

Сказать сказал, но не исправил.
Он исключил меня из правил.
Надул, не ведая стыда.
И потому на снимке этом
я получился не аскетом,
каким считал себя всегда.

Я вышел толст и слеп. Горюя,
теперь фотографа корю я —
зачем не двигаться велел?
Зачем не сделал передышки?
Зачем от жуткой лампы-вспышки
мой нос навеки побелел?

Что взять с фотографа? Он частник.
Не сват, не брат, не соучастник,
не современник —
там, в щели,
он всех по-своему снимает,
он в лоб фактуру понимает,
хоть ты ничем не шевели.

Пойду к хорошему —
к такому,
чтоб вправил нос,
убрал саркому,
нехарактерный вывел жир,
чтоб жизни осветлил потемки,
чтоб долго помнили потомки,
какой орел на свете жил.

...Фотограф бродит со счетами
в подвале, стиснутом щитами.
Он однорук, он инвалид.
И всех неправильно снимает.
На кнопки жмет. Рубли снимает.
И шевелиться не велит.

Арктика (наброски)

* * *

Нет, здесь я денег не скоплю.
Не успевают накопиться.
Но сплю без света. Крепко сплю.
Мне в Комарово так не спится.

Не давит низкий потолок.
Я ежедневно лезу в танки.
Сгущенку боцман приволок —
за сутки каждые по банке.

В иллюминаторе торчит
луна подобием блондинки.
И кто-то ломиком стучит
по сердцу, скалывая льдинки.

* * *

Море Лаптевых. Ровный гул
от машины. Шумит волна.
За бортом не видать акул,
потому что им здесь хана.

Если живность какая есть
в глубине — не сыскать следа,
потому что жестка, как жель,
и, как лед, холодна вода.

Свет небесный. Неяркий свет.
Горизонта бледна черта.
Бесконечная смена лет.
Все откатится от винта.

Пены легкое молоко
океан зализал, размыл...
И до Тикси — недалеко.
Три каких-нибудь сотни миль.

ПЛАЧ ПО ГРУЗИКУ

Что же натворил ты, милый друг?

Грузик птичкой выпорхнул из рук.
Грузик пометался над волной
и ушел навеки в мир иной.
Хорошо ли в пасмурную тьму
погружаться бедному ему?
Ощущая смутную вину,
хорошо ли падать в глубину?
Хорошо ль во мраке и тоске
от родного троса вдалеке
милых вдоль батометров лететь
и прощанье тихо шелестеть?
Мол, простите, братцы-господа,
вас по тыквам бил я иногда,
а теперь исчезну без следа,
и холодной Арктики вода
вкруг меня сомкнется навсегда...

Вот награда честного труда.

А вверху товарищ дорогой,
сплюнув, грузик выберет другой.
Может быть, помянет сонно мать
и уйдет по новой кочумать.
А «Максимов» скорость наберет
и навеки двинется вперед.

Грузик в ил воткнется и замрет.

Как и все мы, впрочем, в свой черед.

Лишь лебедка слезыньки утрет.

* * *

Каюта дышит, как пещера,
минута — вдох, минута — выдох...
А море словно поплощело,
уже не в прыгающих видах.

Уже на нюх — одеколону
и табака нормален запах.
И значит, мы — в очке циклона,
а он вокруг — на мягких лапах.

Бредет на камбуз Фифилон,
в салоне Жак врубает видик, —
поскольку мы в очке циклона
и он покуда нас не видит.

И расправляются распорки,
и распрямляются пружины,
и просыхают переборки,
и судно дышит от брюшины,

как лось, уйдя из-под прицела.
Минута — вдох, минута — выдох...
Очко — надежная пещера.
Мы остаемся в неликвидах.

БЕРЕЗКА

Лиле

В моей каюте — микролистопад.
Листвой сорит полярная березка.
Стол в конопушках, в мелких рыжих слезках.
Дочь, увидав, сказала бы: «Отпад».

Там осень — от Курил и до Карпат.
А тут играет в шахматы машина.
Но рвется цепь, ломается пружина
и королю — и шах, и мат, и пат.

Ну вот и здравствуй, осень на столе.
Я поживу под рыжими флажками,
покуда судно мечется прыжками
и порт Певек возвращается во мгле.

Что толку в с толку сбитом короле?..

Березка с мглой выигрывает схватку.
Березка бьет без промаха — в девятку,
как неклассичный маленький Пеле.

А что? Бывает осень на земле!

Потом на сцену явится совок,
и с ним придет какая-нибудь тряпка.
И королеве делается зябко,

как бы слона упустит мой зевок,
и смыт дождем надежды островок,
и к дорогой фигурке лезет лапка...

Душа отыщет повод для тревог.
И в пене волн почудится плевков.

...А ты сори, красавица, сори!
На Петроградской, красным истекая,
толпятся клены. В лужах пузыри
туда-сюда мотаются, сверкая.
И Летний сад сияет изнутри.
А ты — сори. Ты будешь вот такая.

В ПЕВЕКЕ

Моментальные смены погоды.
То ударит по сопкам пурга,
то прольются небесные воды,
то южак разогреет снега.

Человека погода не давит.
Человек понимает простор.
Усмехнется. Закурит. Поставит
сизый чайник на рыжий костер.

Человек понимает оленя —
поедателя серого мха.
Он стоит перед ним на коленях,
завернувшись в оленьи меха.

Человек ничего не имеет,
кроме сопкок, оленей и птиц.
Потому-то покоем и веет
от серьезных обветренных лиц.

ЧУКОТСКИЕ СЛАЙДЫ

Вот океан воды со льдом.
Вот медвежонок просит хлеба.
Вот дом, воздвигнутый трудом.
Вот самолет, слетевший с неба.

Здесь кромка карты, рубежи
материка. Блестя боками,
моржи — чукотские бомжи —
здесь грозно лязгают клыками.

Здесь дети вечности — киты
утюжат пасмурные воды.
Суровой северной природы
здесь четки краски и черты.

Здесь не слетит осенний лист
на камень, скованный морозом.
Но ветер свеж и воздух — чист,
и солнца луч рассветный розов.

И сердце тянется сюда,
где глушь негрустная такая,
где низкорослые стада
кочуют, сопки обтекаая.

где люди смотрят в небеса,
где не котируются шмотки,
где мягко властвует краса
царицы Арктики — Чукотки.

ЧЕРТА

Сказал влюбленный в здешние места:
— Возьмешь оленя только из «винта».
Он не подходит к людям на версту.
Он не дурак — он чувствует черту...

В Норвегии есть город Хаммерфест —
на широте чуть выше здешних мест.
Там по проспекту гладкий, как тюлень,
бредет неспешно северный олень.

Он не боится шелеста машин.
Он не боится женщин и мужчин.
Сует он в супермаркеты рога,
как будто жизнь ему не дорога.
Как будто там никто из-за куста
ему вот-вот не врежет из «винта».

...Мы шли по Хаммерфесту и с собой
у нас была лишь травка-зверобой
да где-то полтора десятка крон.
Шел впереди олень, как фон-барон.
Он нес легко пушистые рога
и за собой не чувствовал врага.
И где-то в полуметре от хвоста —
меж нами шла та самая черта.

МАМОНТ

Гигантский череп. Черепок.
Косматый Йорик. Черепушка.

Его бетонный мощный бок
ломала долго бы Царь-пушка.

Он — был. Трубил. Жевал тростник.
На месте дырок — жили уши.
Настиг и смял его ледник.
Сломил. Втемяшил в складки суши...

А может — скушал человек?..
Загнал, затюкал батогами.
И сам, как мамонт, врос во снег
и в мерзлоту ушел мозгами.
Бараки ставит. Не поет.
Привык к урчанию утробы.
И все жует, жует, жует.
И смотрит, где чего еще бы.

...Нет. Будем думать, что ледник.
Что мамонт — просто жертва рока.
Что человек — не зол, не дик,
а мудр и добр. Читает Блока...

Рев дискотеки. Тундра. Ночь.
И нечем мамонту помочь.

* * *

Прошли Челюскин.
Самый север
материка.
Зеленая палуба.
Зеленая льдина.
Зеленые облака.

Лед восьмибалльный.
Даль вечереет.

Скоро сон.

Зябко.
Куртка души не греет.
Тонкий звон
отлетает от каждой вещи.

Звон да тишь.

Это вечность
берет нас в клещи.

В клещи лишь.

* * *

Надо спать, надо спать.
Завтра будем вставать.
Будем воды сливать
и концы отдавать.

Будем тратить тепло,
чтоб жилось кораблю.

Новый день на табло.

Отдавать не люблю.

Содержание

Полустанок

«Плащик мокрый на кресло бросил...»	7
«Здесь уютное небо...»	8
«Я пишу тебе. Просто так...»	9
Возвращение	10
«На Загородный выйду...»	11
«Я возвратился как-то странно...»	12
«Новенькая. Легкое пальтишко...»	13
«Переживанья сложные мои...»	14
Болезнь	15
«Мороз. На улицах не скользко...»	18
«Впадаю в парк неторопливо...»	19
«Отчего-то мне было странно...»	20
«Большеглазый кошмарик мой...»	21
«Когда не пишется ни строчки...»	22
«Я вижу солнце...»	23
«Ленинград площадями двинул...»	24
«Замолчи!...»	25
«Не помню, была ли праздничной?...»	26
«Запахло в городе грибами...»	27
Сын	28
Картинки детства	29
В командировке	32
«Несу по коридору...»	33
«Этаж мой тих. Внизу — гулянка...»	34
«Могила ткнулась у дороги...»	35
«Шлепнул к конверту марку...»	36
«Штормит залив без дураков...»	37
Взморье	38

В журнале	40
Псков.....	41
Доророжное.....	43
«В карандаше набрасываю вид...».....	44
«И снова карандаш...».....	45
Бокситогорск	46
Белый колокол	47
«Что за мода, господи прости...»	48
Город детства.....	49
«Ни кола, ни двора...»	50
«Весны осенние приметы...»	51
«Случаются мгновенья...»	52
Лесные стихи	53
«Свежий пень полыхнет, как плаха...»	54
«Ах, черт!...»	55
После покоса	56
«Землю накрыла тьма...»	57
«Постоять над рекой Оятью...»	58
«Еще пощелкивают шишки...»	59
«Желтизной каемка рощи тронута...»	60
«Бреду в сапогах не новых...»	61
«"Курлы-курлы!" — кричат за лесом...»	62
«Сколько стоит облако?...»	63

Жить на земле

«Хочешь, дворника спросим...»	67
«Мама плачет над разбитой чашкой...»	68
«Я всё не спал...».....	69
«Колокольчики мои...»	70
«Как работник скорой помощи...».....	72
Набросок.....	73
«Когда Бог постукивает в раздумье по расческе...»	74
Идиллия	75

Читаю стихи	76
«Как сказать, чтоб не обидеть?..»	77
«Анемичный больничный кафель...»	78
«Художник, в чем ты моешь кисти?...»	80
«Вот куда мне надо позвонить...»	81
Пригород	83
Качели	84
«Вдруг такая мгла накатила...»	85
«Негромко хрустнет...»	86
«Повисла туча над болотом...»	87
«Перекур по ходу дела...»	88
«Пошли широким махом журавли...»	89
«Втыкаю в Ладогу весло...»	90
«Костер трещит, раскидывая искры...»	91
«Опутанный дрожью...»	92
«Все уехали...»	93
«Мой Бог...»	94
Кентавр (фантазия)	95
Колыбельная	98
«Я заплутал...»	100
«Мраморную улитку...»	101
«Где была ты?...»	102
«Он не двигаясь лежал...»	103
«Подмигнув табуну...»	104
«"Где да что? Кого хоронят?" — "Кузнеца"...»	105
«Старый Хекта украсил логово...»	106
«Руки выбиты. Их обложат...»	107
«О, наука из наук...»	109
«Как вы думаете, кто там...»	110
Фотограф	111
Воскресное утро	112
«По городу продрогшему разгуливать...»	113
Лев	114
«Я хожу себе и песенку пою...»	115

Рынок	116
«Новосел усталый за день...»	117
«Свет лампы, сияющей мутно...»	118
«Подкрасили город. Названия красок...»	119
Прогулка со снегирем	120
«От друзей, родных и близких...»	125
«Принес лещей и хвалишь клев...»	126
«Нос не высунуть из барака...»	128
«Гляжу в окно без интереса...»	129
Урна в аэропорту	130
«Вот и все, — родным местам...»	131
Заполярье	132
«В детстве было так...»	135
«Здесь траншей укладчики не роют...»	137
«Чтоб собраться семьей...»	139
Гостиница	141

Ретро

Кто не придет сегодня ко мне	145
«Купаться! Солнечно купаться!..»	147
Друзьям	148
«Двор заляпан снежным стеарином...»	149
«Мне завтрак легкий приготовь...»	150
Встреча	151
«Догорит сигарета...»	152
«Прочитал вчера в газете...»	153
Уроки английского	154
Так мы летели	156
«Я босиком бреду по комнате...»	158
Шел человек (считалка)	159
Вольные переводы марциала	161
Попытка автопортрета	163
Больничный диалог	164

Поэт	165
«Как живу? Живу старея...»	167
«Синие на мне брюки...»	168
«Черный зонтик. Черный свитер...»	169
«Нам бывало и восемь мало...»	170
Художник	171
«Редуты метростроя...»	173
«Он и начнется прямо с Удельной...»	174
«Когда занимаются войны вдали...»	176
«Оттаиваю, оттаиваю...»	177
«Молча корни перерубали...»	178
Обратный ход	179
«Деньги подержал и отпустил...»	180
Туристы	182
Осенний Новосибирск	183
«Когда придешь, войди без стука...»	184
«Не лови меня на слове...»	185
«Твоих цветов прохлада полевая...»	186
«Часы украл водопроводчик...»	187
Анкета	188
Судьба	189
Скрип	190
Усталость	193
«Один боится краж...»	194
В фотоателье	197

Арктика (наброски)

«Нет, здесь я денег не скоплю...»	201
«Море Лаптевых. Ровный гул...»	202
Плач по грузику	203
«Каюта дышит, как пещера...»	204
Березка	205
В певеке	207

Чукотские слайды	208
Черта	209
Мамонт	210
«Прошли Челюскин...»	211
«Надо спать, надо спать...»	212

Дмитрий Григорьевич Толсто́ба

Весны осенние приметы

Стихи разных лет

Верстка А. А. Житинская
Корректор Ю. Б. Гомулина
Дизайн обложки Е. О. Шварёвой

Подписано в печать 00.00.16. Формат 70х100 ¹/₃₂
Гарнитура Мириад. Печ. л. 6,875
Заказ № 000

Издательство «Геликон Плюс»
Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98
Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, дом 28
<http://www.heliconplus.ru>